«...Опасное право — быть судимым... по законам для немногих»

Из архива Сергея Городецкого

«Жизнь неукротимая» назвал Сергей Городецкий один из своих очерков, написанный под впечатлением увиденных страданий армянского народа в период Первой мировой войны в Западной Армении, когда, несмотря на кровь и муки, жизнь побеждала и продолжалась. Именно эти слова могут стать эпиграфом к его собственной судьбе — судьбе поэта и художника, жившего и работавшего в России на протяжении двух третей XX века.

В начале столетия стихи С.Городецкого буквально потрясли символистский Олимп, самую изощренную, самую требовательную и высокопрофессиональную аудиторию — завсегдатаев знаменитых «сред» на петербургской «башне» Вячеслава Иванова. Уходящие корнями в славянский фольклор, в традиции народной поэзии и глубины языческой Руси, неожиданно свежо и звонко зазвучали тогда стихи «Яри», первого сборника поэта, «может быть, величайшей из современных книг», как писал А.Блок матери. Своеобразные, наполненные стихийной мощью, каким-то загадочно-притягательным для литературного Петербурга шаманством заклинания-стихи Городецкого покорили наиболее строгих и взыскательных знатоков и ценителей поэзии. Требовательный литературный судья, признанный мэтр символизма Валерий Брюсов сразу поставил «Ярь» в один ряд с наиболее интересными поэтическими книгами, появившимися в Петербурге. «В феврале буду писать о "Нечаянной Радости" и о "Яри", — сообщал он Блоку в январе 1907 года. — Обе книги мне очень нравятся. В "Яри" больше поразительного; у вас больше незыблемого, вечного, уже совершенного». «Книгой "Ярь", — вынес приговор Брюсов, — Городецкий дал не только большие обещания, но и приобрел опасное право быть судимым в своей дальнейшей деятельности по законам для немногих». «Высокий поэт» — назвал тогда С.Городецкого в статье «О реалистах» А.Блок, им интересовался Л.Толстой, восхищался И.Репин, на его стихи писал музыку И.Стравинский, а своим учителем считали В.Хлебников и С.Есенин. Человек неуемного поэтического и общественного темперамента, С.Городецкий без устали организовывал всякого рода литературные кружки, движения, диспуты, читал лекции, выступал как критик, публицист, без оглядки бросился в «созидательную революционную работу» сначала в Закавказье, а затем в Петрограде и Москве. Он создал «Кружок молодых» при Петербургском университете, где назрел его разрыв с символизмом; вместе с Н.Гумилевым стал основателем литературного течения — акмеизма, давшего русской литературе О.Мандельштама, А.Ахматову, Е.Кузьмину-Караваеву, В.Нарбута, М.Лозинского, М.Зенкевича; организовал общество крестьянских поэтов «Краса», создал петербургский, тифлисский, московский, бакинский «Цех поэтов», организовал плакатную мастерскую в Баку и т.д. и т.д.

Пошла ли вся эта бурная деятельность на пользу творчеству? К сожалению, нет. Уже Блок в рецензиях на следующие за «Ярью» поэтические книги, в дневниках и письмах отмечал опасные тенденции в творчестве Городецкого. Он «совсем не установился, — записывает Блок в дневнике, — и Бугаев (Андрей Белый. — *В.Е.*) глубоко прав, указывая на его опасность — погибнуть от легкомыслия и беспочвенности». Вместе с тем, стихи таких книг, как «Перун», «Ива», «Цветущий посох», «Четырнадцатый год», позволяют говорить о Городецком как об одном из ведущих русских поэтов первых двух десятилетий XX века. Анна Ахматова, чей голос в поэзии Городецкий считал «честным и чистым» (он писал об этом в рецензии на сборник «Белая стая» в 1920 году), уже в шестидесятых годах не раз возвращалась в «Записных книжках» к имени Городецкого и раз от разу писала о нем все хуже и хуже. Ее даже, по-видимому, раздражало, что Древняя Русь, по-своему, свежо и оригинально переосмысленная Городецким, в 1900-х годах стала основной темой для многих художников: «Языческая Русь, — отмечает несколько пренебре-

Сергей Городецкий. Рисунок Е.Бебутовой-Кузнецовой. 1924

жительно Ахматова в записной книжке № 4 (осень 1959 – весна 1960), – начала 20-го века. Н.Рерих, Лядов, Стравинский, С.Городецкий "Ярь"...), А.Толстой ("За синими реками"), Вел.Хлебников. Я к этим игрищам опоздала». А в набросках балетного либретто она пишет: «...видно, как Городецкий, Есенин, Клюев, Клычков пляшут "русскую"». Эту «русскую» направленность творчества либеральная интеллигенция не простила Городецкому и после выхода патриотической книги стихов «Четырнадцатый год» развернула настоящую травлю поэта. А там ведь были и очень сильные, трагические стихи. Но «тенденция» в глазах либеральной критики в который раз в нашей истории заслонила искусство.

Под уничтожающим огнем «прогрессивной» критики, которой не нравились ни его строки, обращенные к братьям-сербам, ни стихи о патриотизме и государе, Городецкий отправляется на Кавказский фронт Первой мировой войны в качестве корреспондента крупнейшей петроградской газеты «Русское слово», словно бежит из враждебного Петрограда туда, где может принести пользу. Он был настоящим военным корреспондентом, бесстрашным, умеющим собирать информацию и в своих очерках блестяще, с изумительной точностью, документальностью и публицистической страстностью донести до читателей картины страшных событий, происходящих на Кавказе. Армянский поэт Ованес Туманян, с которым Городецкий встретился в Тифлисе, посоветовал ему ехать в Турецкую Армению. «Спасайте детей», – напутствовал он Городецкого. В Турецкой Армении поэт собственными глазами увидел геноцид великого древнего народа. «Я понял, – писал Городецкий, – что значит народное бедствие. Та минута навсегда сроднила меня с Арменией, и моя служба превратилась в служение». Он создавал лагеря для беженцев, организовывал медицинские и питательные пункты и – самое главное – собрал и вывез с полей сражений и из разоренных селений несколько сотен армянских детей-сирот, спасая их тем самым от верной гибели. Возможно, сейчас тысячи и тысячи армян – потомки этих детей, разбросанные по всему свету, – обязаны своей жизнью русскому поэту. Тогда же он написал сжимающий сердце цикл стихотворений, который составил вышедшую в Тифлисе в 1918 году книгу «Ангел Армении», посвященную Ованесу Туманяну. Это недооцененная критикой этапная книга в творчестве Городецкого и, безусловно, одна из поэтических вершин XX века.

Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
И Воскресенья весть услышать над тобой.
Армения, звенящая огнем и кровью!
Армения, не побежденная судьбой!

До стихов такой силы, как «Ангел Армении», Городецкий поднялся еще раз в 1945 году, когда ушла из жизни его жена, одна из самых блестящих женщин первой трети XX века Анна (Нимфа) Алексеевна Городецкая (1889–1945). Неизданная до сих пор книга стихов «Нимфа» написана в лучших акмеистических традициях «прекрасной ясности», простоты и силы образов. Горе побудило поэта отринуть опустившую его политизированную «общественность» и создать настоящие стихи, далекие от соцреализма, которому он тогда верно служил.

После революции Городецкий какое-то время живет на Кавказе – в Тифлисе и Баку, где полностью отдается литературной, художественно-политической и театральной работе. Он продолжает писать стихи, и некоторые из них достойны его имени. Именно об этом времени он записал: «Стихи летели». Не все из них напечатаны, многие остались в записных книжках.

Со временем – в Петрограде, а затем и в Москве, он все более погружается в профессиональную, обыденную, хотя и очень важную литературную работу. Талантливый, широкообразованный, энергичный, он пишет новые тексты для опер «Иван Сусанин» Глинки, «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» Римского-Корсакова, «Чародейка» Чайковского, десятилетия успешно работая в Большом театре. И если М.Булгакова, служившего там же в одни годы с С.Городецким, эта работа явно тяготила, отнимая время и силы от творчества, то Городецкий был явно увлечен ею, и не только из-за верного куска хлеба. Стихи он продолжал писать постоянно, но, к сожалению, они становились все прямолинейнее, порой сбиваясь на элементарное прославление советской власти, в которую он совершенно искренне, к изумлению, недоумению и негодованию многих его бывших друзей, верил. Теперь, читая дневники Городецкого, его письма и записные книжки, убеждаешься, что это была совершенно необъяснимая (он не был трусом, был умен, искренен и изначально одарен в самых разных областях) трансформация личности – от покорителя поэтического Олимпа начала века, столпа акмеизма и т.д. до как будто стремящегося стать «официальным» поэта, не только написавшего в 1938 году оду «Большевикам», но и любовно, своим незабываемо красивым почерком переписавшим ее на огромном листе отличной ватманской бумаги как подарок героям оды. Он горевал, что его не приняли в партию (власть относилась к Городецкому настороженно, несмотря на все его реверансы ей), и даже в интимном дневнике обличал вредителей и троцкистов, а о пресловутом докладе А.Жданова, который – косвенно, правда – задел и его, записал, что он «суров и справедлив».

Такова уж была предначертанная ему участь. Двадцатый век искорежил жизнь этого талантливого, даже блестящего человека. Из больших поэтов начала века лишь двое дожили до смерти Сталина – Ахматова и он. И как по-разному сложились их судьбы. В нескольких строках (с совершенно безжалостной концовкой) сказала об этом Ахматова в последний год своей жизни: «Я отчетливо помню то собрание Цеха <поэтов. – *В.Е.*> (осень 1911, у нас, в Царском), когда было решено отмежеваться от символистов <...> меня, всегда отличавшуюся хорошей памятью, просили запомнить этот день. (Записать никому не приходило в голову.) Что, как видите, я и сделала... Из свидетелей этой сцены жив один Зенкевич (Городецкий хуже, чем мертв)». Вот как, в результате легли карты «солнечного юноши», которого когда-то многие любили, которым восхищались, чьими стихами упивались.

Двадцатый «век-волкодав» в России был много страшнее и безжалостнее, чем «век девятнадцатый, железный, поистине жестокий век». То были времена «вегетарианские», а эти ломали и уничтожали не только конечные жизни, но и бессмертные души. Но, несомненно, С.Городецкий был абсолютно искренен в своих пристрастиях – как литературных, так и политических, которые так калейдоскопически менялись за его долгую жизнь.

С.Городецкий в своем рабочем кабинете. Москва. 1955

В чем С.Городецкий не растерял почти до конца своих дней (он умер 7 июля 1967 года) дара и мастерства — это в рисунке и живописи. Его талант рисовальщика и акварелиста отмечали такие строгие ценители, как И.Репин, К.Сомов, Н.Сапунов. С.Городецкий участвовал в совместных выставках с Л.Гудиашвили, С.Судейкиным, С.Сориным. Он был прекрасным портретистом, рисовал в двадцатых годах плакаты, необычайно ценимые у современных коллекционеров русского авангарда, оформлял книги — большинство обложек первых книг акмеистов, в том числе Ахматовой и Мандельштама, выполнено им; был веселым, остроумным исполнителем шутливых рисунков, писал пейзажи маслом и акварелью. Его художественное наследие велико и очень интересно.

Многие стороны этой противоречивой натуры раскрывает архив С.Городецкого, материалы которого мы начинаем публиковать в настоящем номере, ибо печальная судьба этого поэта и художника как нельзя лучше отражает то, что постигло Россию в минувшем веке. Следует только помнить, что «опасное право», применимое к Сергею Городецкому, — «быть судимым... по законам для немногих» выделяет его, конечно, из миллионов и миллионов обывателей, для которых такая изломанная жизнь считалась бы совершенно благополучной и удавшейся.

Судьба архива С.Городецкого сложилась непросто. Большая часть его, относящаяся к концу XIX — началу XX века, пропала в Петербурге во время революции. Среди погибшего — множество писем А.Блока, и это основная потеря. Приехав в начале двадцатых годов из Закавказья в Москву, поэт собирал и бережно хранил вновь создаваемый архив, передавая время от времени некоторые документы в ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ) и в Государственную библиотеку им. В.И.Ленина. После смерти Сергея Митрофановича хранительницей архива стала его дочь Рогнеда Сергеевна Городецкая, очень много сделавшая для публикаций произведений поэта, в том числе основанных и на материалах его архива. При жизни большой корпус материалов она передала в Государственный музей В.В.Маяковского в Москве. После кончины Р.С.Городецкой внучка поэта Н.Ю.Бирюкова передала оставшиеся архивные материалы деда автору этих строк для подготовки изданий С.Городецкого. В настоящее время часть архива передана нами Российскому фонду культуры, часть — в Государственный музей-заповедник «Шахматово». Некоторые материалы находятся в собрании журнала «Наше наследие».

Публикуемые тексты условно разделены на самостоятельные главы. Авторские названия помечены знаком (*).

Владимир Енишерлов

Е.Н. и М.И. Городецкие с детьми на даче в Лесном под Петербургом. Третий справа С.Городецкий. 1892

*Автобиография**

Родился в С.-Петербурге в доме № 27 на углу Ямской и Ивановской, в кв. № 16, 5/18-I-1884 г., в Крещенский сочельник, называемый «Свечки».

Мать, Екатерина Николаевна, урожденная Анучина, родилась в Обояни, в 1847 г., умерла в Баку в 1921 г. Отец, Митрофан Иванович, из рода Городецких-Опрятовых[1], родился в 1846 г. в Карачаеве, умер в СПб. в 1893 г. Окончил сельское училище, служил в Земском Отделе Мин. внутр. дел, последний год жизни — в Крестьянском поземельном банке. Кроме этого, был литератором-этнографом и сотрудничал в изданиях П.Н.Батюшкова (брата поэта) «Белоруссия», «Литва», «Волынь» и др., в «Ист. Вестн.» у С.П.Шубинского, во «Всемирной Иллюстрации» у П.Н.Быкова. Был в переписке с Вл.Соловьевым, дружил с Н.Лесковым и скульптором Микешиным, выдвинул на работу гравера В.В.Матэ и искусствоведа Д.Н.Айналова. В 80-х годах в журнале «Игрушечка» напечатан его автобиографический рассказ «Моя сказка». Мечтал иметь сына-поэта, но первые стихи я начал бормотать после его смерти, хотя вкус к стихам был мне привит, несомненно, им. Помню, как я, воспитанный на Пушкине, Кольцове и Никитине, выражал ему свое недовольство стихами К.Льдова в журнале «Новь» М.О.Вольфа. От отца же у меня страсть к живописи. Он хорошо рисовал и писал маслом, и я помню себя на коленях у Микешина с рисунками в руках и недоуменными вопросами, как отличить мужскую голову от женской, если рисовать без бороды и причесок.

Ранняя смерть отца (tbc) была катастрофой для семьи. Осталось 5 человек детей: сестра Елена Митрофановна (род.1882 г., умерла в 1921 г.), брат Борис Митрофанович (автор многочисленных трудов по краеведению Кубани и Дагестана), потом я, потом брат Александр Митрофанович, автор одного стихотворения в «Садке Судей», №1 (псевдоним А.Гей) и зачинатель плакатного искусства (род. в 1886 г., умер в 1914 г.)[2] и сестра Татьяна Митрофановна, художница.

Смерть отца повергла семью из сравнительного материального благополучия почти в бедность. Пенсия была дана в размере 166 р. 33 коп. в месяц.

В 1895 г. я поступил в 6-ю СПб. гимназию. Директором был Соловьев, латинист и церковный композитор, русский язык преподавал Якубов, поклонник Тургенева. Я учился хорошо, по литературе был впереди всех, по языкам не отставал, с наслаждением пел в церкви на клиросе. (Страсть к музыке привита была старшей сестрой, хорошей певицей, страстной поклонницей Чайковского, день смерти которого я пережил, как взрослый.) Но за первые четыре года я ничего нового, чего бы не знал уже дома, не узнал.

В 1897 г. мы переехали жить из города в Лесной. В ту же ночь у нас все сгорело. Погибли рукописи, картины, переписка и библиотека отца. Я, спасая кухарку, тяжело ранил правую руку и почти истек кровью. Мы все выбежали из огня в одном белье[3].

В 1897 г. мы переехали на жизнь в Орел, где прошла молодость отца и матери, и жили там два года. Это лучшие года моей юности. Во-первых, мы все сразу стали сытыми. Во-вторых — природа. В-третьих — в гимназии отличный преподаватель словесности — А.Н.Орлов. Тут я уже вполне сознательно стал писать стихи. Они давно уже летали во мне. Я даже долго не знал, что это, что-то несущееся во мне, можно и нужно записывать.

Вот одно из первых записанных:

Хорошо, когда на сердце
Тихо-тихо, будто в небе,
Что утихло после бури,
Успокоенное лаской
Солнца, вечно золотого.

Я был строгим и сознательным последователем русской классической поэзии. «Книга песен» Гейне тоже была моей настольной книгой. Необходимо упомянуть, что после смерти отца наш дом наполнялся молодежью новых вкусов. Товарищами старшего брата по гимназии были Вл.Гиппиус (В.Бестужев, — книгу стихов его «Возвращение» я впоследствии помог ему издать при акмеистическом «Цехе поэтов») и Ал.Добролюбов. Оба они издали тогда, в 93–94 гг. свои первые книжки, а Гиппиус бегал по магазинам и отбирал ее назад тотчас по выпуске. Имена «Зиночки-Плюнь», как называли тезку Вл.Гиппиуса, Минского, Ме-

режковского и Волынского упоминались часто. Первые декадентские стихи декламировались ежедневно у нас в доме. Но я был противником этого течения и дразнил новых поэтов эпиграммой Буренина:

Засунув в нос четыре пальца,
Волынский, Минский, я и Фруг –
Четыре пламенных страдальца –
Философами стали вдруг.

С.Городецкий. Силуэт работы Е.Кругликовой. 1914

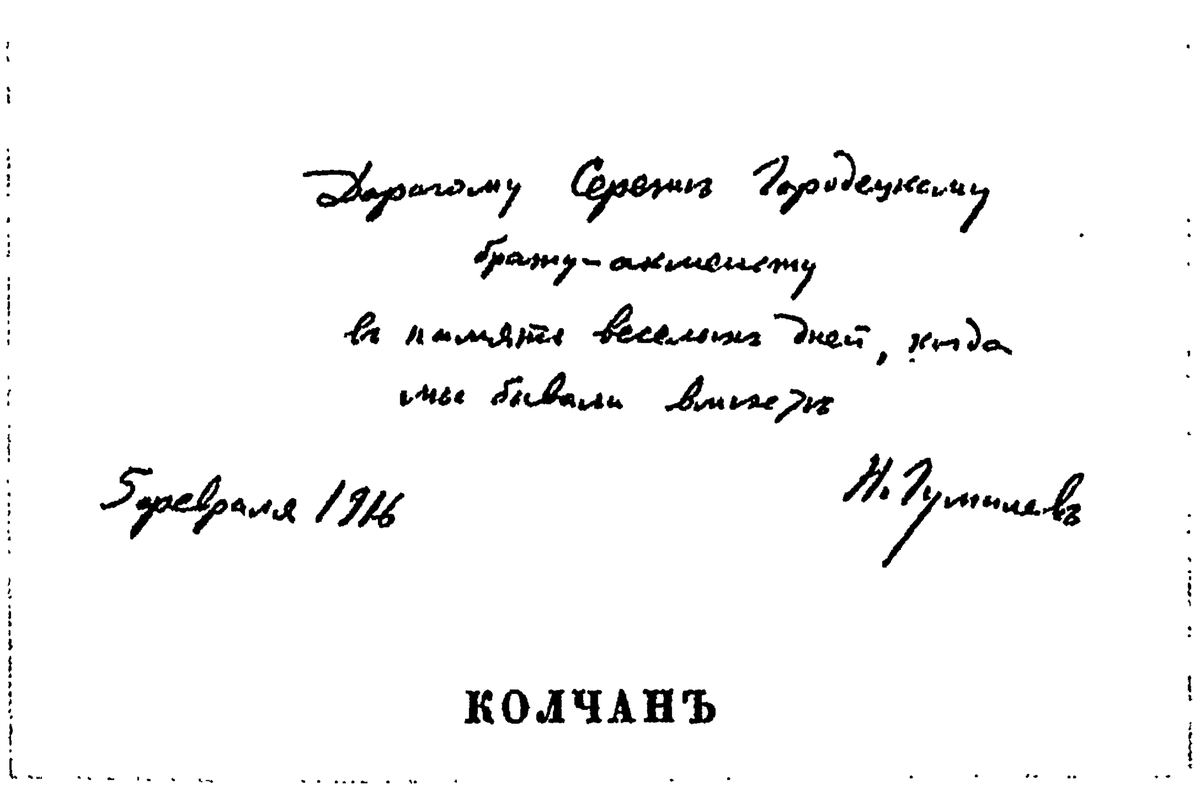
В Орле я уже сам писал пародии на декадентов.
Серьезно же меня увлекала баллада (делал пробы на темы сербского эпоса), пейзаж, лирика. Кое-кто из товарищей по гимназии тоже увлекались поэзией и писали стихи. Спорил я с Фоминым-младшим, резко скандировавшим свои произведения, вроде:

Покину я веселый мир.
Покину кров родительский,
Уйду в Афонский монастырь,
Надену сан святительский.

Я не признавал никаких размеров. В поэзии главное для меня было – музыка, какая-то тайна звуков, возбуждающая наслаждение.
Моя жизнь была бы иной, если б мы остались в Орле.
Но в 1900 г. вышло прикрепление округов к университетам, и Орел попал в орбиту Москвы. Старший брат уговорил мать переезжать обратно в Петербург.
Мы переехали в 1900 г., я вернулся в свой класс (6-й), опять началась нужда. По математике Орел оказался отстающим. Приходилось нагонять. А вскоре началось беганье по урокам для заработка. Стихами заниматься стало некогда. Впрочем, вместе с Вас.Регининым мы издавали лит. журнал – названия не помню.
В 1902 г. я окончил гимназию с золотой медалью. Из педагогов последних лет с благодарностью вспоминаю Лызкина, историка (автора словаря зырянского языка), и Аксенова, словесника (отца поэта Иннокентия Аксенова). Но эти три года в гимназии задержали мое развитие, начавшееся в Орле. Атмосфера была затхлая. С моим «сочинением» об «Евгении Онегине» (я написал по Писареву) вышли неприятности. Я круто повернул к математике, педагог Яковлев давал нам добавочные уроки. Я готовился стать архитектором, – и это было бы самым правильным решением моей жизни. Из гимназии я вышел худым, малокровным юношей, изнуренным работой, большая часть которой неизвестно для чего была проделана.

Анна Городецкая. Силуэт работы Е.Кругликовой. 1914

Поступил в 1902 г. в СПб. Университет на историко-филологический факультет и после первых двух лет общего образования, во время которого, кроме своего факультета, слушал на юридическом факультете Петражицкого и Сергеевича и на физ-математическом Хвольсона, Коновалова и Догеля, последовательно по два года работая: 1.По западной литературе у Веселовского и Брауна, по славистике у Булича, Лаврова и Сырку. 2.По античности у Зелинского, Ростовцева, Холодняна, Церетелли. 3.По русской истории и литературе у Платонова и Шляпкина. 4.По истории искусства у Айналова. У последнего защитил работы и по дипилонскому стилю и по миниатюрам сербских евангелий и имел возможность остаться при университете.
Но в 1904 г. я познакомился на лекциях сербского языка со студентом Александром Блоком и подружился с ним. Вскоре оказалось, что мы оба пишем стихи. Поэзия победила во мне науку.
В 1905 г. я организовал в Университете «Кружок Молодых». В президиум входили: Илья Браудо, Марк Косвен, Дмитрий Цензор, Александр Бать, Сергей Ауслендер и я. Мы открыли двери Jeu de paumes'a (так называлось старое здание во дворе Университета) и впустили массовую аудиторию. Там я получил первые восторги слушателей.
В конце 1905 г. (в декабре) Владимир Пяст (участник наш) привел меня на «башню» Вячеслава Иванова, где в присутствии всех тогдашних корифеев: Вяч.Иванова, В.Брюсова, Ф.Сологуба, А.Блока и мн. др. я получил полное признание моих прав на поэзию[4].


Дорогому Сергею Городецкому
брату-акмеисту
в память веселых дней, когда
мы бывали вместе
5 февраля 1916 Н. Гумилев
КОЛЧАНЪ

Дарственная надпись Н.Гумилева С.Городецкому на книге стихов «Колчан». 5 февраля 1916 года

Н.Гумилев и С.Городецкий. Петроград. 1915. На обороте надпись С.Городецкого: «1915 г. Акмеизм»

Около этого же времени Александр Рославлев взял у меня стихотворение «Папа, не ходи работать» и напечатал его в журнале «Истина».

В конце 1906 г. под маркой «Кружка Молодых» вышла моя первая книга «Ярь», — хотя я имел предложения на издание ее и от «Шиповника» и от «Весов».

Эта книга оказала влияние как на группу крестьянских поэтов — во главе с Клюевым и Есениным — С.Клычкова, А.Ширяевца, П.Орешина[5], так и на зачинателя футуризма В.Хлебникова, а также и на Асеева. Сила ее в близких народу языке и образах, разрушавших эстетику символизма и открывавших дальнейшие перспективы для русской поэзии[6]. Так началась моя литературная деятельность и стала развиваться, как я теперь вижу, с излишней поспешностью. В том же 1907 г. вышла вторая книга «Перун», своеобразно отражавшая революцию 1905 г. В том же году подвергся аресту и недолговременному заключению в Крестах за провоз запрещенного историко-революционного альманаха изд. «Шиповник» из Финляндии. В тюрьме было написано большинство стихов третьей книги «Дикая Воля» (1908).

Н.Клюев, М.Лозинский, А.Ахматова, М.Зенкевич на собрании «Цеха поэтов» в Петербурге на квартире С.Городецкого.

Рисунок С.Городецкого. 1913. Под рисунком сделанная позже надпись М.Зенкевича: «Дорогому Сергею Митрофановичу Городецкому — на память о первом Цехе и его собраниях — и обложке к моей "Дикой порфире" (СПб. 1912). Плавь гулко в огненном удушьи Металлов жидкие пары И славь в стихийном равнодушьи Раздолье дикое игры... ("Дик<ая> порф<ира>") С любовью и дружбой Мих.Зенкевич 1923/28 фев<раля> Москва»

В тюрьме прочел Вл.Соловьева, результатом чего был сдвиг мировоззрения в сторону обожествления лапотной Руси, слепого преклонения пред крестьянством, пассивного соболезнования ему и мистических надежд на освобождение. Эти настроения выражены в книгах стихов «Русь» и «Ива». Выходом из этого тупика представлялась тогда новая школа поэзии, созданная мною совместно с Н.Гумилевым и названная нами «акмеизмом» (от слова акмэ — вершина). Выросшая в борьбе с поползновениями символизма познать «потусторонний» мир, эта школа тем не менее не сумела принять в основу мировоззрение материализма, чем и обрекла себя как течение на скорое увядание. Однако, дав ряд талантливых поэтов — А.Ахматову, О.Мандельштама, В.Нарбута, М.Зенкевича, М.Лозинского, — она в своей поэтике утвердила некоторые положения, до сих пор живущие, особенно в творчестве ленинградских поэтов: конкретность образов, «обратная гипербола» (т.е. преуменьшение), лаконизм и высокое качество стиха; сюжетность построения и некоторые другие ее традиции оказались не бесполезными, например, для Н.Тихонова. К периоду акмеизма относится книга стихов «Цветущий посох».

Эти шесть книг, может быть, главное, что я написал.

Параллельно со стихами шла работа и над прозой, из которой можно отметить повести «Сутуловское гнездовье» и «Адам» и книгу рассказов «На земле».

В 1912 и 1913 гг. я ездил в Италию, проездом осматривал в Берлине Египет, в Мюнхене и Дрездене — античные памятники, а Италию — всю, с Сицилией. Тогдашняя Европа произвела на меня неприятное впечатление, но памятники античности и Ренессанса помогли мне закончить свое художественное образование. Отголоском этих впечатлений оказалась 7-я книга стихов «Canti d'Italia» («Песни Италии»)[7], в которой я, так сказать, измерял Россию масштабами Европы и находил их, например, у Микеланджело — и не только.

Война 1914 г. вызвала во мне взрыв патриотизма, нашедшего свое крайнее выражение в стихах о демонстрации на Дворцовой площади[8], послуживших поводом к лютой травле меня Полонским, Гронским, Цехновицером и др. и отказу в приеме в члены Союза писателей при его организации, аннулированному лично М.Горьким. Наряду с другими стихотворениями они вошли в 8-ю книгу «Четырнадцатый год», многие строки которой звучат, как будто написанные сегодня.

Но удовлетворяться стихами мне было мало, и я, не будучи еще призван, пожелал увидеть войну и поехал на край Кавказского фронта, в Турецкую Армению корреспондентом «Русского Слова», в которое и дал ряд статей. Местом моей работы был г. Ван, к которому я проезжал по всем трем возможным дорогам: из Джульфы через Хой и Котурское ущелье, из Игдыря через Сувалан и Паиз и из Урмии через Башкалу и Хошаб. Царский лозунг «Армения без армян» я увидел в трупах народа, втоптанных в землю. В стихах это отразилось в 9-й книге «Ангел Армении». Но стихов оказалось мне мало, и я своими руками собрал и вывез из огня в пограничную станцию Игдырь несколько сот армянских детей. После крушения этого участка Кавказского фронта я оказался в Персии на берегу Урмийского озера, где в марте 1917 г. меня и застала февральская революция. Эти события отражены в романе «Алый Смерч», который был рекомендован во все библиотеки Красной Армии. Армянские впечатления тех лет отражены в романе «Сады Семирамиды», над которым я работаю уже много лет. Многочисленные зарисовки мои карандашом и акварелью отражают все пути войны, по которым я прошел и проехал верхом и в повозках.

Военный корреспондент газеты «Русское слово» С.Городецкий (первый справа) на фронте Первой мировой войны в Западной Армении

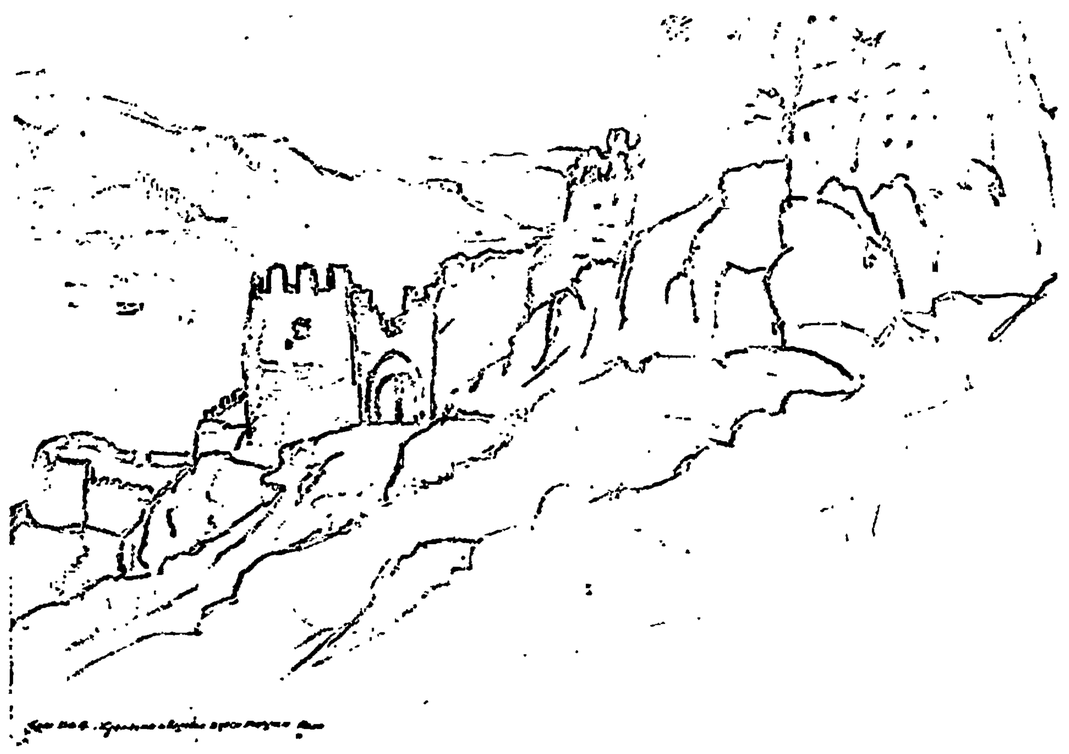
В 1917 г. на фронте в казачьих частях, где я вел культработу, я был избран делегатом на съезд в Тифлис по ...санитарной части и с 1917 г. по 1919-й работал в Тифлисе, в газете «Кавказское Слово», где напечатал не менее сотни статей на культурно-литературные темы. Одновременно я читал курс эстетики в Тифлисской консерватории и собирал молодые грузинские и русские поэтические силы в «Тифлис-

ском Цехе поэтов» и редактировал журнал «Ars» («Искусство»), издававшийся А.Антоновской[9].

В конце 1919 г. грузинские меньшевики арестовали меня и выслали за редактирование сатирического журнала «Нарт», издававшегося П.Д.Меркуровым (братом скульптора)[10].

Поселившись в Баку, я попробовал издавать газету «Понедельник», но на 4-м или 5-м номере ее закрыли за информацию о продвижении Красной Армии.

На заре майского дня 1920 г., как только Красная Армия вошла в Баку, я был назначен заведующим художественным отделом КавРОСТа и провел большую работу, выпуская плакаты, окна сатиры, давая пьесы для «Сатирагиттеатра», руководимого моей женой. (Между прочим, плакат-портрет К.Маркса, воспроизведенный в начале книги Полонского о плакатах, вышел из моей мастерской.) При выпуске брошюры об XI армии мне досталась радость беседовать с Серго Орджоникидзе и С.М.Кировым[11].



Ван. Крепость и ворота, вдали Топорак-Кала. Рисунок С.Городецкого. 1916

Вскоре я был командирован в Петроград, где конец лета и осень 1920 г. работал начальником литчасти политуправления Балтфлота, организовал беседы по искусству и литературе для краснофлотцев. Осенью я вернулся в Баку к прежней работе, во время которой совершил поездку в Персию (Энзели — Решт), где читал лекции и участвовал в газете «Красный Иран». Весь этот период отражен в книге стихов «Серп».

Осенью 1921 г. я переехал в Москву, одновременно начав работу в «Известиях ВЦИК», где печатал стихи и вел литотдел, и в Реввоенсовете, где участвовал в плакатном отделе.

В Москве я и живу до сих пор в палатах Бориса Годунова на Красной площади.

Первые годы я много отдал сил на малые формы, не отказываясь ни от какой поручаемой мне работы. 12, 13, 14, 15 и 16 кн. стихов («Серп», «Миролом», «Из тьмы к свету», «Грань») отражают этот период.

В 1924 г. т. Луначарский привлек меня к работе в Большом театре, в котором я и работаю до сих пор по либретто.

В 1925 г. мое либретто «Амран» («Прометей») получило премию на конкурсе ГАБТ, но недоброжелатели сорвали постановку ее (музыка Л.Столпера). В 1937 г. я написал новый текст к опере М.Глинки «Иван Сусанин». Параллельно мною написаны новые тексты к «Валькирии», «Фиделио», «Водоносу» и «Чародейке»... В советской опере я работал с композиторами К.Корчмаревым, В.Юровским и многими другими, но успеха еще не добился. Сейчас я написал кантату на музыку Г.Попова к XXVII годовщине Октября и закончил текст к музыке Лысенко («Тарас Бульба»).

С.Городецкий. Рисунок С.Судейкина. Баку. 1919. На рисунке надписи С.Судейкина: «Городецкому Судейкин. 1919» и «Большевицкий декабрист. 1920 год»

За эти же годы я писал много статей и исследований по литературе (о Блоке, Есенине, Короленко), статьи по поэзии в «Новом Мире», и «Красной Нови», рецензии в «Известиях» и журналах. Архив мой по этим отделам еще не приведен в порядок, но мне кажется, что там есть кое-что ценное и теперь.

С октября 1941-го по апрель 1943-го я был эвакуирован в Ташкент, где выпустил 17-ю кн. стихов «Думы» на темы Отечественной войны и сочинил либретто «Книга счастья», и в Сталинабад, где перевел много стихов таджикских поэтов, организовал и довел до печатного станка альманах «Литературный Таджикистан» и написал 18-ю кн. стихов «Рубаи», подготовляемую к печати.

Сейчас работаю над сборником своих стихов за время 1904—1944 гг.

Ташкент — Москва *7.VI.42 — 4.XI.44.*

[1] В «Дополнениях к автобиографии», сохранившихся в бумагах Городецкого, сказано: «...Отец — Митрофан Иванович Городецкий. Его дед, о.Диомил, был священником в г. Карачаеве. Фамилия его была Опрятов. Старшему своему сыну Ивану, поехавшему учиться в Орловскую семинарию, дали фамилию Городецкого, потому что он был первым в семье, учившимся в городе. Вступая в литературу, я хотел взять псевдонимом старую родовую фамилию, но А.А.Блок отсоветовал».

[2] Владимир Пяст (В.А.Пестовский; 1886—1940, поэт-символист, переводчик, мемуарист) в книге «Встречи» писал: «Александр Городецкий был удивительно художественной натурой. Он был первым по времени художником-футуристом.

[3] См. публикуемое ниже письмо С.Городецкого Я.Коласу.

[4] Владимир Пяст вспоминал: «...Все поэты и непоэты, присутствовавшие у Вячеслава Иванова, — все, лишь заслышали шаманский голос-бубен Сергея Городецкого, — его скороговорку под нос:

Вот черта — это нос,
Вот дыра — это глаз,
В тело раз,
В липу два.
Покраснела трава,
Заалелся откос, —
И у ног
В красных пятнах лежит
Новый бог, —

все испытали тот "новый трепет", который определяет... рождение нового поэта...

Все заволновались. Все померкло перед этим "рождением Ярилы". Все поэты, прошедшие вереницей перед ареопагом под председательством Брюсова, вместе с этим ареопагом вынуждены были признать выступление Городецкого из ряда вон выходящим... Все следующие "среды" были "средами" триумфов юного Ярилы. Его почти буквально носили на руках» (*Пяст Вл.* Встречи. М., 1997. С.73-74).

[5] Среди имеющихся в архиве С.Городецкого материалов, относящихся к так называемым крестьянским поэтам, о чем будет рассказано в одном из следующих номеров журнала, следует особо отметить три автографа стихотворений А.Ширяевца (на одном из них три небольших карандашных погрудных портрета поэта, выполненных Городецким), а также автографы С.Клычкова, три очень выразительных его портрета, нарисованных С.Городецким, и машинописный экземпляр поэмы С.Клычкова «Великий поход» с многочисленной авторской правкой.

[6] В.Хлебников был поражен «Ярью». На сборнике «Садок судей» он написал Городецкому: «Первому воскликнувшему: "Мы ведь можем, можем, можем!" Одно лето носивший за пазухой "Ярь". Любящий и близкий В.Хлебников. 10.IV.13».

[7] В записной книжке С.Городецкого за 1912 г. находятся тексты 20 итальянских стихотворений. Пять из них — «Вечер на чужбине», «Погасли джинестри!», «Прачка из С.-Джиованни», «Сано ди Пьетро», «Триумф смерти и любовь» были опубликованы в газете «Русское слово». Книга «Песни Италии» издана не была из-за начавшейся Первой мировой войны.

[8] Имеется в виду, в частности, стихотворение «Сретенье-царя».

[9] В очерке «Мой путь» С.Городецкий писал о своей деятельности в Тифлисе: «Вместе с художниками С.Сориным, С.Судейкиным, Л.Гудиашвили выступал на выставках. Вместе с поэтами Паоло Яшвили, Тицианом Табидзе, Иосифом Гришашвили, Сандро Эули упивался стихами» (*Городецкий С.* Жизнь неукротимая. М., 1984. С.14).

[10] «После пяти или шести номеров журнал закрыли. А ко мне ночью явился красавец прямо с фресок эпохи Руставели и предложил альтернативу: или в Метехскую тюрьму, или вон, куда хочешь. Я был с семьей. Это решило мой выбор — уехать». («Мой путь». В кн.: *Городецкий С.* Жизнь неукротимая. М., 1984. С.14).

[11] Сохранились эскизы плакатов, выполненные С.Городецким в Баку, многочисленные рисунки, автографы стихов, в том числе знаменитого стихотворения «Кофе», переведенного практически на все европейские языки. Бакинский период был необычайно плодотворен для Городецкого.

Вячеслав Иванов и Сергей Городецкий

Вяч.Иванов и С.Городецкий. Москва. 1915. На обороте фотографии надпись: «Милому Сергею привет! Вяч. Иванов. 1915. Лето. Москва»

Отношения С.Городецкого и выдающегося поэта и мыслителя XX века Вячеслава Ивановича Иванова начались с первого «триумфального» чтения молодым Городецким стихов на знаменитой «башне» в декабре 1905 года. Об отношениях поэтов в первый период их знакомства, к которому относятся приведенное ниже письмо, необычный автограф из одного слова на книге «Эрос» и набросок неизвестного ранее стихотворения, рассказывает дневник Вяч.Иванова за 1906 год, опубликованный во II томе брюссельского издания его сочинений. Проницательный и тактичный анализ этих непростых отношений дала в комментариях к дневнику О.А.Дешарт, труд которой Н.В.Котрелев справедливо назвал замечательно завершенным «жизнеописанием-жизнетолкованием» Вяч.Иванова. (НЛО. № 10. 1994. С.6). Для выявления смысла этого впервые публикуемого письма Иванова Городецкому обратимся к нескольким фрагментам из работы О.Дешарт. «В.И. (здесь и далее: Вяч.Иванов. — *В.Е.*) представлял себе тогда (1905—1906 гг. — *В.Е.*) "целое и всеобщее" как "хоровое действие" народа, подобное "хору античной трагедии". "Единая душа бесчисленных дыханий" должна найти свое "хоровое тело". Как же осуществить такое задание на заре двадцатого века? Первым ответом были "среды". Собрания на "башне" В.И. считал служением, необходимым шагом на пути образования "вселенской общины". Получилось культурное, даже и духовное общение, но Общины не получилось. И вот В.И. и Л.Д. (Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал, писательница, жена Вяч.Иванова. — *В.Е.*) приняли решение — странное, парадоксальное, безумное... Им надлежит в свое двуединство "вплавить" третье существо — и не только духовно-душевно, но и телесно». Следует заметить, что в 1906—1907 годах параллельно ивановским «средам» существовал для избранных кружок — «Общество друзей Гафиза»; его члены называли себя в честь персидского поэта XIV века — «гафизитами». «На башне, — продолжает О.Дешарт, — особенно среди "гафизитов" часто обсуждались вопросы, связанные с тогдашними властителями умов и сердец — с Оскаром Уайльдом и Андре Жидом, которых некоторые посетители "башни" считали учителями жизни». В кружок «друзей Гафиза», организованный 25 апреля 1906 года, входили Вячеслав Иванов и Лидия Дмитриевна, Н.Бердяев с женой Лидией Юдифовной (вскоре исключенной), М.Кузмин, К.Сомов, В.Нувель, С.Городецкий, Л.Бакст, С.Ауслендер. Они следовали Гафизу, «где мудрость, поэзия, и любовь, и пол смешивался» (из письма Л.Д.Зиновьевой-Аннибал к М.М.Замятниной. Цит. по: «Серебряный век в России: Избранные страницы». М., 1993. С.174). В недавно опубликованном дневнике М.Кузмина есть запись от 29 мая 1906 года об одном из собраний «друзей Гафиза»: «...Что-то не клеилось, все были грустны, Вяч<еслав> Ив<анович> обижался на меня, Диотима (Л.Д.Зиновьева-Аннибал. — *В.Е.*) тоже <...> Я вышел проплакаться за дверь, а потом Городецкий предложил вина и, притворясь спящим, заставлял себя будить поцелуями, я стал щекотать ему пятки, он встал, и я очутился около него, я не помню, отчего он меня обнял, и я его гладил и целовал его пальцы, и он мою руку и в губы, нежно и бегло, как я всего больше люблю, и он сам все прижимал меня и не давал отстраняться, и хвалил ласку моих бровей. И Эль-Руми ("гафизитское" прозвище Вяч.Иванова. — *В.Е.*), сидя против нас, пел нам хвалы, и Диотима, и Корсар (В.Ф.Нувель. — *В.Е.*) были тут же, и было что-то легкое и божественное, печальное и крылатое, и был новый лик Гафиза» (*Кузмин М.* Дневник 1905—1907. Предисловие, подготовка текста и комментарий Н.А.Богомолова и С.В.Шумихина. С.-Петербург, 2000. С.160). На этой почве и расцвело решение Вяч.Иванова и Лидии Дмитриевны «вплавить» третьего в их двуединство. Им стал «юноша, — пишет О.Дешарт, — с гибким отроческим телом и гибким восприимчивым умом. В.И. решил, что т р е т и й найден. Мэтр начал обучать юношу греческому языку, религии Диониса, поэтическому мастерству... Молодой человек (звали его Сергей Городецкий) учился по-гречески, охотно и успешно упражнялся в стихосложении, но совершенно не собирался перерождаться. Учитель гордился им, восхищался его успехами и, согласно требованию Платона, в него влюбился». В это время Лидия Дмитриевна, требовавшая выполнения задуманного плана — «любви ко всем», внутренне страдала, ибо несла в своей душе «любовь к одному». И все же она не переставала говорить Вяч.Иванову: «Я должна давать тебя людям». За месяц до публикуемого письма Вяч.Иванова — 6 ноября 1906 года Л.Д.Зиновьева-Аннибал писала дочери В.К.Шварсалон о С.Городецком: «Сергей, без сомнения, гениальный человек, весь вопрос — насколько ему будет дано проявить свою геньяльность талантом. Пока он, впрочем, достаточно талантлив, и на этих неделях появится замечательная книга его стихов. Как все, что геньяльно, он не имеет возраста и часто внезапною мудростью кажется мне древним стари-

Вячеслав Иванов. Рисунок С.Городецкого. В углу рисунка запись С.Городецкого более позднего времени: «4.VII.1920»

ком, так что удивишься и умилишься, когда вдруг старец обратится в мальчишку 22-х лет и начнет ходить вниз головой. Хохочем мы, иногда, с ним до изнеможения. Из него бьют ключи жизни, но так глубок и серьезен его дух, что из всех наших друзей он единственно *наш*. И вот на основании этого чуда: нашего триединого соединения мы основали (добыли немного денег) книгоиздательство «Трех», с маркой треугольника и славянской буквы Г, то есть Г, означенной цифры 3» (цит. по: *Богомолов Н.А.* Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999. С.326).

Но, продолжает О.Дешарт, исследование этой запутанной коллизии, «"все бывало счастливо и светло" в отношениях В.И. с Сергеем, пока они не выходили за сферу душевно-духовную. Увы, для осуществления задания — "Трое в плоть едину" — худшего выбора трудно было бы сделать: неуспех был вполне обеспечен по причине — у избранного — полного отсутствия соответствующих склонностей... На людях Сергей вел себя по отношению к В.И. как скромный ученик, а наедине бывал то дружески ласков, то "холоден до враждебности". Не скрывал он и своих сердечных связей с женщинами...» Кстати, именно в 1906 году, когда происходили все эти коллизии, у С.Городецкого родилась внебрачная дочь Ия. В одном из писем Лидии Дмитриевне в Камбалла, где она тогда была, Вяч.Иванов пишет: «...Говорит он об наших отношениях. Он не устает повторять, что очень не любит меня — прежде всего потому что я мущина...Он говорил: "Я буду любить тебя всеми моими другими, кроме чувственной, любвями"». «Когда по прошествии двух месяцев (со дня, в который было принято решение "вплавить" Сергея Городецкого. — *В.Е.*) В.И. и Л.Д. убедились в окончательном провале их опыта, — завершает анализ этой истории О.Дешарт, — они стали уверять друг друга, что неудача произошла из-за ошибки выбора по причине лжепризнания. Значит надо усовершенствовать выбор. Особенно на этом настаивала Лидия». Теперь вместо С.Городецкого в треугольник решились «вплавить» Маргариту Сабашникову, художницу, жену поэта М.Волошина. Но также не произошло ничего, кроме запутанной житейской истории и ... великолепных сонетов Вяч.Иванова, обращенных к Маргарите. Интересно, что, как и посвященные Городецкому стихи «Эроса», они писались в присутствии Лидии Дмитриевны.

Все стихи «Эроса» создавались Ивановым в этот период. Многие из них в автографах посвящены С.Городецкому, а экземпляр, подаренный ему Вяч.Ивановым, имеет многозначительную дарственную надпись автора из одного слова: «Тебе». Корректуру «Эроса», вышедшего в издательстве «Оры» тиражом 600 экз., держал С.Городецкий. Корректурный экземпляр с его и Вяч.Иванова правкой сохранился.

Практически весь архив С.Городецкого за 1904—1917 годы пропал. Но письмо Вяч.Иванова он сберег, и мы можем теперь, зная историю замысла «Трое в плоть едину» и стихи «Эроса», попытаться понять его эзотерическую суть.

Особо нужно отметить иконографию Вяч.Иванова, созданную Городецким. Прекрасный, точный рисовальщик, чей талант отмечал сам Репин, Городецкий много и успешно рисовал своего друга-учителя. Сохранилось пять портретных рисунков Вяч. Иванова, один рукописный журнал-альбом, целиком ему посвященный, и несколько талантливых портретных зарисовок в рукописном юмористическом журнале «башни» «Puces des gamins».

ВЯЧ.ИВАНОВ – С.ГОРОДЕЦКОМУ

Люблю тебя, любовью требуя,
И верой требую, любя!
Клялся и поручился небу я
За нерожденного тебя[1].

Опомнись, Сергей. И не повторяй твоего древнего преступления. Ты принадлежишь мне, как я принадлежу тебе.

Твоя «Ярь» принадлежит мне, — haec suprema lex esto[2], — как все мое отныне тебе. Ибо ты был представленным мне Дионисом[3].

Попытайся разглядеть действительность чрез туманы [1 слово нрзб] и наваждения, нас разделяющие.

Попытайся быть смелым.

Попытайся быть верным твоему лучшему, богу в тебе, которого провидел и промыслил я и взлелеял я.

Non vindico nisi quae mea sunt. Te meum vindico mihi[4].

Если ты не любишь мое бедное тело, не люби. Душу мою ты навсегда полюбил — и ей хочешь изменить[5].

Бог в тебе, которого люблю в тебе, не может не узнать бога во мне.

«Мы ведь можем, можем, можем»[6]. *Мы*. Не ты, и не я. Спаси душу мою, бога во мне [обрыв страницы].

О, сделай, сотвори меня.

Пойми не умом своим, а тем, что выше ума в тебе, — vanitatem vulgi[7], и мы дадим populo[8] то, за что он заплатит нам вместе сплетенными венками будущей славы.

О, если бы ты видел великую правду мою — ту, что выше всех правд людей, как я вижу заблудшегося в тебе бога.

Еще и еще заклинаю тебя — от меня не отвращайся. Новым искусам подвергни меня, если еще не испытал меня в горниле — но не отвращайся от меня пред лицом людей. Снесу ли?

Слишком велика обида моя, и не возропщу ли на тебя, бога?

Слишком прекрасна моя вера и мое упование, — о, слишком велика моя любовь.

Ее крик доходит даже до глухонемой души твоей. Слышишь ли голос мой — de profundis?[9]

8 ½ ч. веч. 11-го дек. <1906>.

Вячеслав Иванов. Рисунок С.Городецкого. Баку. 1920. На рисунке автограф Вяч.Иванова: «Ерунда! Совсем непохоже. В.И.»

[1] Начало стихотворения «Порука», вошедшего в сборник «Эрос»(СПб., Оры, 1906).

[2] Это высший закон (*лат.*).

[3] Дионис *(греч. миф.)* — бог растительности, виноградарства, виноделия, символ умирающей и возрождающейся природы. «Ночной бог», противостоящий «дневному богу» Аполлону. Вслед за Ницше, Вяч.Иванов и старшие символисты видели его как бога исступления, в котором, пишет С.С.Аверинцев, «забывают о границах между собой и миром, между ликованьем и скорбью — а также, увы, между добром и злом». Именно хмельное, «ночное» состояние души привлекло Иванова в этой теории. «Дионисийский», «оргиастический», экстаз должен был «разбудить» художника на пути к соборности. Уже после революции, в Баку, Вяч.Иванов защитил докторскую диссертацию «Дионис и прадионисийство».

[4] Ничего не требую от тебя за исключением того, что мне принадлежит (*лат.*).

[5] Ср. с записью Вяч.Иванова в дневнике 16 августа 1906 года: «... Он ласков и нежен. Он любит меня больше всех, ему знакомых мужчин, и все же — сам он настаивает — любить не может, разумея испытанную им любовь к женщине... Вечером... у двери встречаюсь с Сережей, паспорт которого швейцар требует для прописки. Он шутлив и нежен. Позволяет раздеть себя и смотрится в трюмо, а я читаю ему эстетический реферат об его теле. Я уговариваю его лечь со мной в темноте, чувствую сначала, обнимая его, что умираю. Потом он бегло отвечает иногда на поцелуи, позволяет мне экстазы. Потом он то спит, то дремлет. А я умираю. Сладостнее нет ничего... Если б он любил. И он все-таки любит, что бы ни говорил и как бы ни вел себя» (*Иванов Вяч.* Собрание сочинений. Т.II. Брюссель, 1974. С.753).

[6] Строка из стихотворения С.Городецкого «Беспредельна даль поляны...», входящего в сборник «Ярь»:

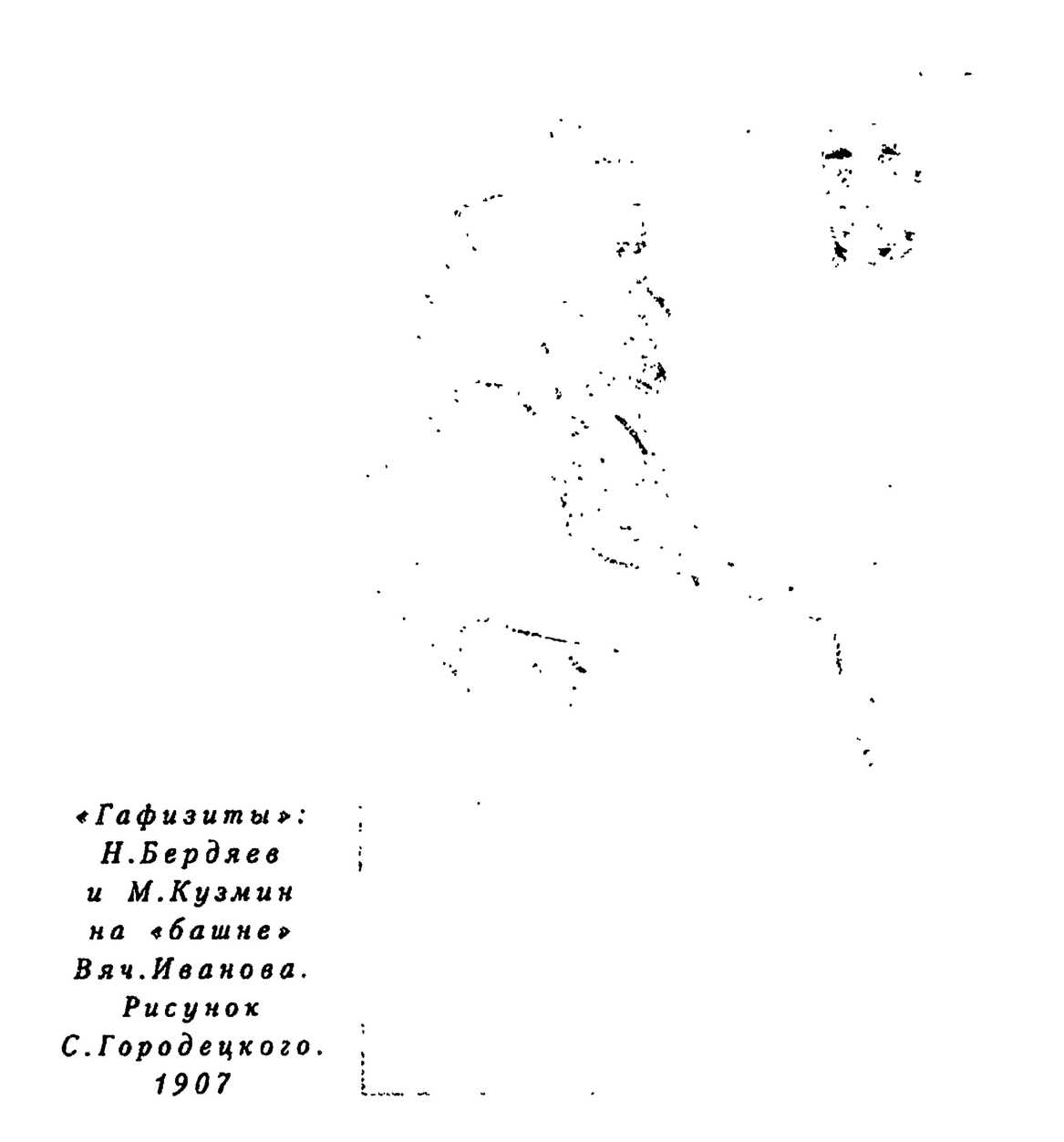
Древний хаос потревожим,
Космос скованный низложим, —
Мы ведь можем, можем, можем!
Только пламенней желанья,
Только ярче ликованья, —
Расколдуем мирозданье!

Именно приведенная Вяч.Ивановым строка своей энергией, напором, новым для символистской поэзии оптимистическим наполнением восхитила современников Городецкого, например В.Хлебникова, и многим дала толчок к поэтическому творчеству и надежду на обновление жизни искусством.

[7] тщеславие толпы (*лат.*)

[8] народу (*лат.*)

[9] из глубины (*лат.*) — начало покаянного псалма, читаемого как отходная молитва: «Из глубины я воззвал к тебе, Господи...» (Пс., 130, 1-2).



«Гафизиты»: Н.Бердяев и М.Кузмин на «башне» Вяч.Иванова. Рисунок С.Городецкого. 1907

Сергей Городецкий

ПОСВЯЩЕНИЕ ГАФИЗУ[1]

Приветствую Гафиз, собравшийся нежданно
В уюте новых стен и в блеске прежних тканей.
Опять вино густое устам моим желанно
И взор друзей умильней очам моим желанья.

Гафиз; не оскудевший потерей и утратой,
Не я ли молвил скорбно: умри, навеки сгасни.
И вот опять роскошный, содружный и богатый,
Ты блещешь предо мной воскресший и прекрасный.

Как встарь чалму подъемлет чело Ассаргадона,
И Эль Руми, объят истомой, сеет розы,
И Аладин нежнее выбрал упругим членам ложе,
И Антиной очами медлит [1 слово нрзб] огонь и грозы,
И Диотима увенчалась венком живым навеки
И [2 слова нрзб] вялой смолой слипает веки.

Но все мы на ступеньке, а ты, Гафиз, на троне[2].

<май 1906>

[1] В дневнике М.Кузмина от 29 мая 1906 г. есть запись об очередном «вечере Гафиза»: «...Городецкий читал прекрасные, прекрасные стихи:

Сердце мукой не томи,
Эль-Руми, Эль-Руми и т.д.

И еще:

В тесной палатке священный квадрат,
Мудрой Диотимы чающий взгляд,
Черная бездна очей Антиноя,
Глас Апеллеса — коварностей сад,
Взор Аладина — молчанье цветное...»

(*Кузмин М.* Дневник 1905—1907. С.-Петербург, 2000. С.160.)

Полностью тексты этих стихотворений неизвестны, замечают комментаторы. В бумагах С.Городецкого сохранился набросок приведенного выше, публикуемого впервые еще одного «гафизитского» стихотворения. Упоминаемые в нем Н.А.Бердяев (Ассаргадон), Эль-Руми (В.И.Иванов), Аладин (К.А.Сомов), Антиной (М.А.Кузмин), Диотима (Л.Д.Зиновьева-Аннибал), Апеллес (из второго стихотворения, приводимого Кузминым, — Л.С.Бакст) — члены «Общества друзей Гафиза».

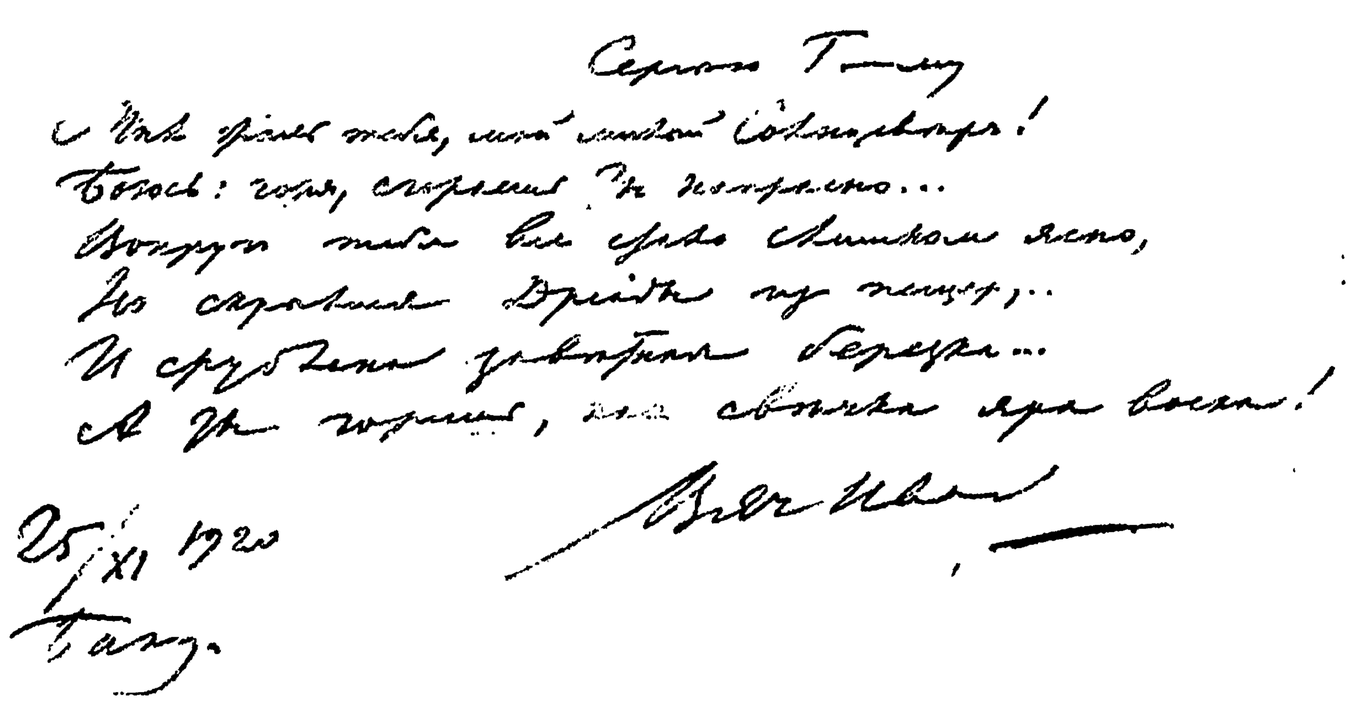
[2] На обороте листка с «гафизитским» стихотворением несколько строк написанного, видимо, тогда же, но совершенно другого по форме и мелодике стихотворения Городецкого:

Бирюза, бирюза, зелена-голуба,
Золотятся березы, тот берег лилов.
Недреманное око, немая мольба
Теневой глубины голубящий покров.

Ах нельзя показать, ни сказать-рассказать
Ту страну — сторо (обрыв записи. — *В.Е.*)

С.Городецкий посвятил Вяч.Иванову несколько стихотворений, его сборнику «Русь» предпослан эпиграф из стихотворения Иванова «Нищ и светел...». Духовную зависимость от Вяч.Иванова Городецкий ощущал и в 1910-е годы, он попытался отмежеваться от него в воспоминаниях о Блоке, назвав «башню» «Парнасом бесноватых», но позже не раз по-доброму писал о Вяч.Иванове в дневнике.

После революции они неожиданно встретились в Баку, куда Городецкий был выслан из Тифлиса, а Вяч.Иванов буквально бежал из Москвы. Он писал С.Л.Франку 3 июня 1947 года: «В 1920 году, не выпущенный на волю, хоть имя мое и стояло на очереди заграничных командировок, поехал я на Кавказ с фиктивной командировкой дать отчет об университетском преподавании на Северном Кавказе и самовольно явился в Баку» (*Иванова Лидия.* Воспоминания. Книга об отце. Париж, 1990. С.86-87). К бакинскому периоду относится посвященное С.Городецкому стихотворение Вяч.Иванова и два его небольших письма.



СЕРГЕЮ Г<ОРОДЕЦКО>МУ

Мне жаль тебя, мой милый Солнцеверт!
Боюсь: горя, сгораешь ты напрасно...
Вокруг тебя все стало слишком ясно,
Но скрылися Дриады из пещер,
И срублена заветная березка...[1]
А ты горишь, как свечка яра воска![2]

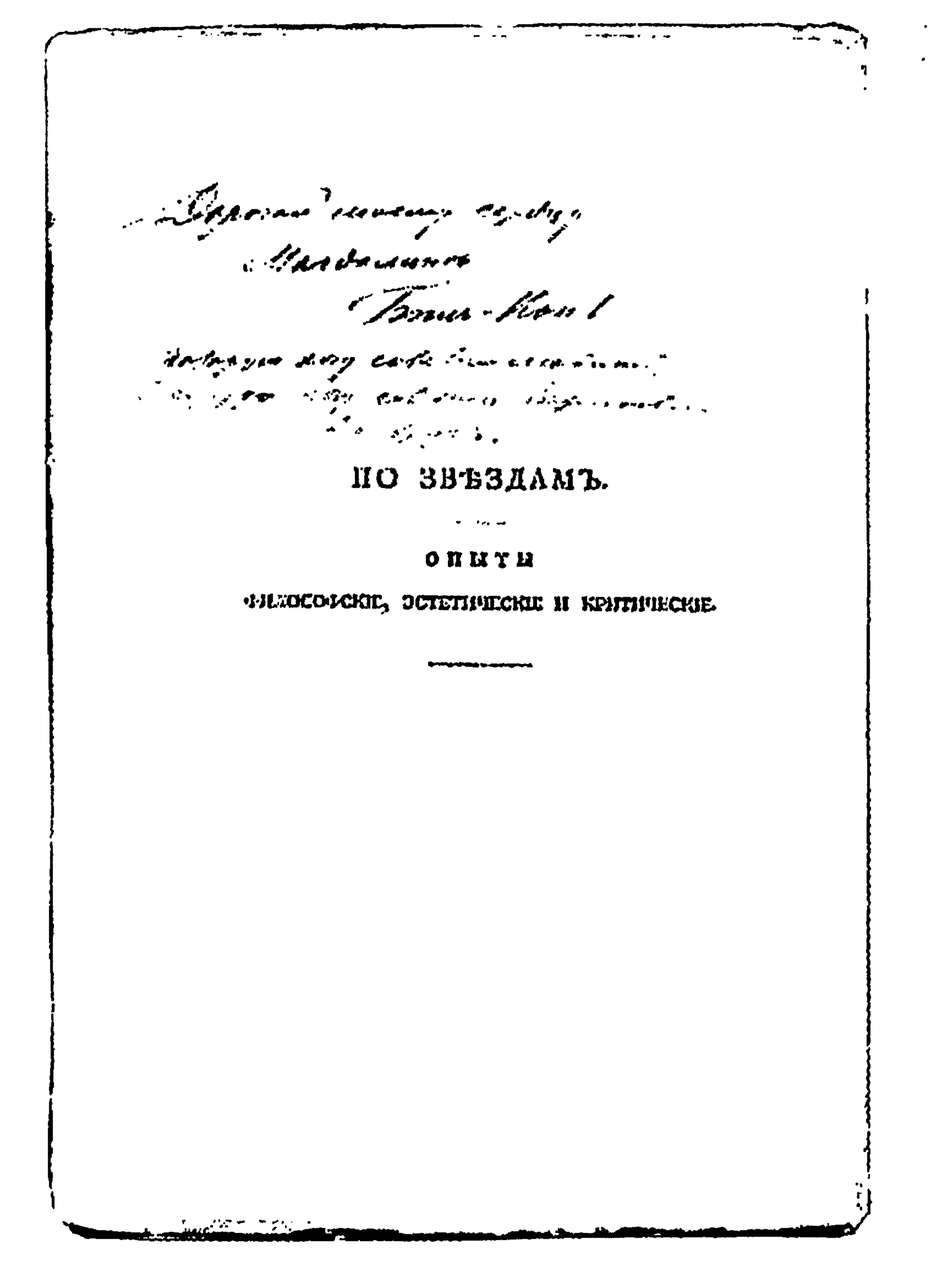
25/XI 1920 *Вяч.Иванов*
Баку

Автограф стихотворения Вяч.Иванова, посвященного С.Городецкому. Баку. 25.XI.1920

[1]Образ «березки» возникает здесь как реминисценция из обращенного к Городецкому стихотворения Вяч.Иванова «Утро» сборника «Эрос»:

Белелся у оконца
Стан отроческий твой;
Порхали веретенца
И плыли волоконца, —
Заигрывало солнце
С березкой золотой

Как-то, за четырнадцать лет до того, как было написано стихотворение «Мне жаль тебя...», Вяч.Иванов увидел Сергея ранним утром, как он «подле высокого оконца, бросил, задумавшись, вверх вытянутые руки», «был пластичен, строен, красив» и говорил о своей любви к березе. Это писал Вяч.Иванов жене, Лидии Дмитриевне. М.Кузмин отметил в дневнике 19 июня 1906 года: «...от Городецкого письмо, что не мог прийти на Гафиз (см. выше. — *В.Е.*), т.к. накануне узнал наинежнейшее, что есть в жизни...» (*Кузмин М.* Дневник 1905—1907. С.177).
В комментарии к этой записи издатели дневника Кузмина пишут: «См. запись от 17 июня в дневнике Вяч.Иванова: "Загадочное письмо Гермеса-Зэйна ("гафизитское" прозвище С.Городецкого. — *В.Е.*) о таинственных и нежных причинах, его задержавших..." Эти причины разъясняются Ивановым в письме к жене от 3 августа: "Признался, что нежнее всего на свете, — хотя втайне, оставляя разоблачение для Гафиза. Он влюбился в березу, которую мне покажет. На ней разорвана им кора"» (Там же. С.476). Видимо, не случайно, сравнивая «гафизитов» с растениями, С.Городецкому нашли имя «береза».
Вот какие глубокие корни у «заветной березки» из посвященного С.Городецкому бакинского экспромта Вяч.Иванова.
А в Баку он встретил уже другого С.Городецкого, погруженного в реальную общественную работу, далекую от душевно-духовных переживаний эпохи «Эроса» и кружка «Гафиза», и огорчился. Так, видимо, возникло это грустное, последнее из известных нам, обращенных к Городецкому, стихотворение.
[2] В конце этого стихотворения-миниатюры Вяч.Иванов блестяще обыгрывает название первого сборника С.Городецкого «Ярь».



Дарственная надпись Вяч.Иванова А.Городецкой на книге «По звездам» (Изд. «Оры». СПб., 1909): «Дорогой моему сердцу Магдалине Бел-Конь[1], которую хочу совсем любить, в которую хочу совсем верить. Ее друг»

[1] Анна Алексеевна Городецкая (1889—1945) публиковала стихи, рассказы, пьесы под псевдонимом — Магдалина Бел-Конь-Любомирская.

А.Городецкая. Рисунок С.Судейкина. Тифлис. 1919

ВЯЧ.ИВАНОВ – С.ГОРОДЕЦКОМУ

15/XI

Дорогой Сергей.
Вчера вечером, с великим трудом и издержками, принуждены переселиться из отходящего поезда в общежитие КавРОСТа (Молоканская, 24). Там провели мы устрашающую ночь на грязном полу в проходной полутемной комнате. Все занято и закрыто для нас. Пожалуйста, распорядись хотя бы о немедленной отправке ковров, чтобы сделать темницу нашу менее гнусной. Нет ли керосинки и лампочки для освещения (керосиновой) на подержание?
Твой отчаивающийся

Вячеслав[1].

[1] Дочь Вяч.Иванова Лидия Вячеславна вспоминает: «На девятый день поезд № 14 доехал до Баку. Все пассажиры из него вышли, кроме нас: нам некуда было направиться. Вячеслав пошел взглянуть на город и вдруг встретился с Городецким. Оказалось, что он с семьей живет в Баку, что он вступил в партию, что он организовал стенную газету (новинка для этих мест), которую он составляет и издает. Жилища в городе найти было невозможно, но на первые дни он нас поместил в темную проходную комнату какой-то квартиры, набитой многочисленными семьями. Наш багаж был втащен, и нам разрешили тут же спать на полу» (*Иванова Лидия.* Ук. соч. С.91).
В этих строках есть ряд неточностей — например, С.Городецкий никогда не был в партии, ни в Баку, ни позже в Москве — его не принимали как чуждого попутчика-акмеиста. Он выпускал в мастерских КавРОСТа не «стенную газету», а многочисленные плакаты, но, действительно, помог Вяч. Иванову с семьей в первые дни жизни в чужом городе и тесно общался с ним во время пребывания в Баку.

14.11.1921

Милый Сергей, ты забыл, что в понедельник, с 7.50 до 9 $^1/_2$, я читаю курс о Достоевском[1], привлекающий столько слушателей, что шутки с этим шутить нельзя. Итак, к величайшему сожалению, ехать не могу. Кланяйся С.Я.Богдатьеву[2]. Если едешь в Персию, счастливый путь и счастливый возврат. Если будет возможность, привези кишмишу... Целую

Вячеслав.

[1] Вяч.Иванов читал курс о Достоевском в Бакинском университете. Он был одним из самых проницательных толкователей творчества Достоевского. Его главные работы добакинского периода: статьи — «Достоевский и роман-трагедия» (1911), «Экскурс: Основной мир в романе "Бесы" (1914), «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского» (1916).

[2] *С.Я.Богдатьев* — руководитель ЗакавРОСТа. Сохранился его портрет (бумага, карандаш), выполненный С.Городецким, а также очень острая карикатура, на которой Богдатьев изображен в виде дьявола.

Милому и близкому
Сергею Городецкому
Александр Блок
VI. 07.
СНѢЖНАЯ МАСКА
СПБ.

Вокруг Александра Блока

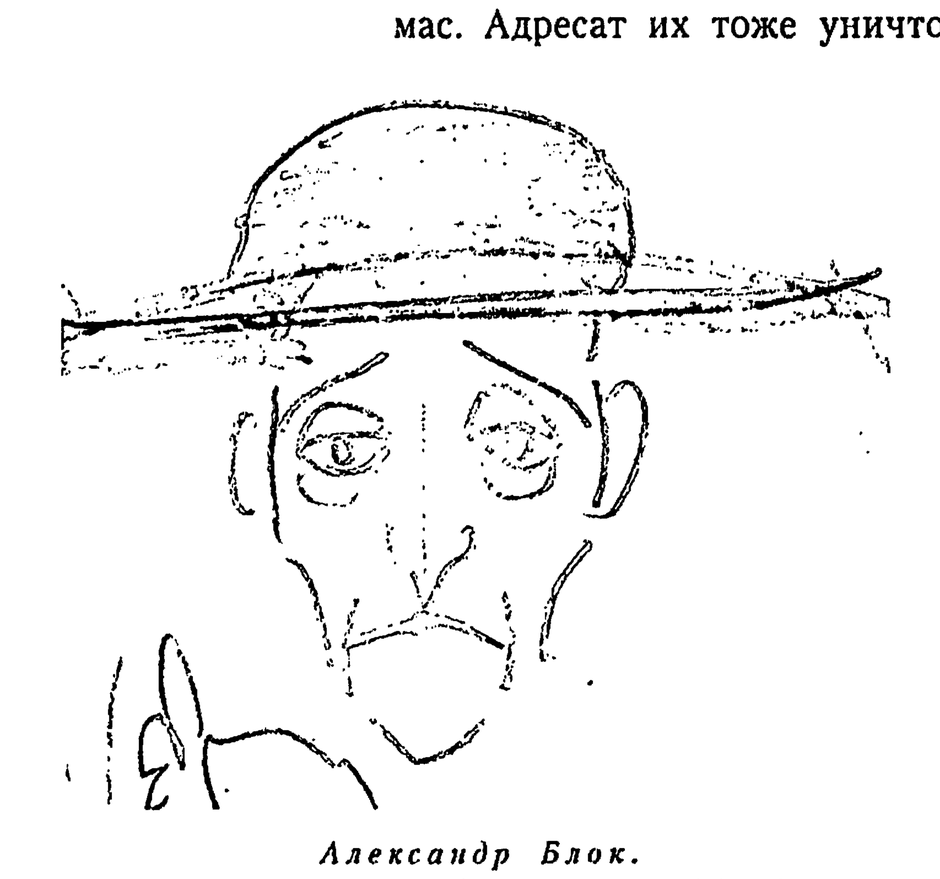
Дарственная надпись А.Блока С.Городецкому на сборнике стихов «Снежная маска» (СПб., 1907)

К сожалению, письма Александра Блока к Сергею Городецкому не дошли до нас — и это очень большая потеря. Их было около ста и, судя по известным ответам Городецкого, в них затрагивались важнейшие вопросы литературной и общественной жизни начала XX века — интереснейшего периода отечественной истории и культуры. Уезжая в 1916 году на Кавказский фронт корреспондентом «Русского слова», Городецкий оставил часть своих вещей и архив на одном из петроградских складов, как это было принято в дореволюционной России. Там были письма Блока и Гумилева, материалы «Цеха поэтов», письма к отцу — М.И.Городецкому, знаменитый портрет С.Есенина, портрет Н.Клюева, так называемый Страшный Клюев, и многое другое. Вернулся в Петроград Сергей Митрофанович уже в 1920 году и, увы, не обнаружил ни склада, ни архива.

Тем не менее некоторые материалы, связанные с Блоком, он сумел сохранить. Это прежде всего несколько писем Блока Анне Алексеевне Городецкой. Их было значительно больше, но, как вспоминала дочь Сергея Митрофановича и Анны Алексеевны Рогнеда Сергеевна, более десяти писем ее мать уничтожила незадолго до смерти. Кстати, такая же участь постигла многие письма Блока к его «Кармен» — Л.А.Дельмас. Адресат их тоже уничтожила. Эта аналогия и некоторые другие полунамеки-полусвидетельства, да и суть некоторых из сохранившихся писем заставляют нас задуматься над отношениями А.Блока и Анны Городецкой. Известна запись Блока в дневнике: «Сережа Городецкий, не желая принимать никакого участия в отношении своей жены ко мне (как я когда-то сам не желал принимать участия в отношении своей жены к Бугаеву), сваливает всю ответственность на меня (как я когда-то на Бугаева). Боже мой!» (*Блок А.* Собр. соч., В 8 т. М.-Л., 1962. Т.7. С.109).

«Анна Городецкая, Анна Городецкая...» — еще одна запись в дневнике Блока.

Совершенно неожиданное развитие эта, казалось бы, сугубо интимная тема нашла в опубликованных в 1996 году в Италии на русском языке «Записных книжках Анны Ахматовой (1958—1966)». В 1962 году Анна Андреевна пишет в п.4 заметок «Еще о Блоке»: «Я — конфидентка Вал<ентины> Андр<еевны> Щеголевой ("Валентина, звезда, мечтанье"), Ольги и Нимфы ("Перед судом")». Ахматова здесь резко, всего тремя словами и без всяких пояснений вмешивается и, видимо, окончательно решает спор, который многие десятилетия ведут литературоведы, ища адресат пронзительно-прощального стихотворения А.Блока — «Перед судом» («Что же ты потупилась в смущенье?»). Одни считали, что оно посвя-



Александр Блок. Рисунок С.Городецкого. 1911 (?)

28 II 09
Милая
Анна Алексеевна,
Считайте за мной, пожалуйста, для Вашей книги 3 рубля. Мы будем видеться, а я сейчас пришлю и тоже скоро дома, но скоро Вам пришлю. Целую Ваши руки.
Преданный Вам
Александр Блок

Автограф письма А.Блока А.Городецкой от 28.I.1909

«У Кругликовой. 13.XI.913». А.Ахматова и А.Городецкая. Рисунок С. Городецкого. 1913

щено Любови Дмитриевне Блок — жене поэта; другие, в том числе и она сама, — Л.А.Дельмас, актрисе, непревзойденной исполнительнице роли Кармен; третьи, как и автор этой публикации, — что героиня стихотворения — собирательный лирический образ женщины. Видимо, теперь этот долгий спор можно считать завершенным — Ахматова без тени сомнения пишет название этого стихотворения рядом с именем Нимфы (Анны) Городецкой, так же как рядом с именем В.А.Щеголевой — первые строки бесспорно адресованного ей стихотворения Блока — *«Валентина, звезда, мечтанье / Как поют твои соловьи»*. Ольга в этой триаде имен — О.А.Глебова-Судейкина.

Городецкий много писал о Блоке, которого считал выразителем души России на рубеже веков, одним из «сильнейших наших лириков». Из послереволюционных работ Городецкого выделяется статья о поэме «Двенадцать», опубликованная в газете «Кавказское слово» (Тифлис) в 1918 году. Именно Городецкий в этой статье первым сказал то, что затем повторяли многие, не ссылаясь на первоисточник, — о связи «Двенадцати» с «Балаганчиком» — о любимой Блоком форме арлекиниады, объединяющей в меньшей или большей мере эти произведения, о «Двенадцати» как о произведении, синтезирующем всю поэзию Блока.

И, конечно, ни один исследователь литературы начала XX века не пройдет мимо «Воспоминаний о Блоке» С.Городецкого, классического образца мемуаристики.

Сохранилось несколько книг Блока с автографами С.Городецкому, в том числе экземпляр «Двенадцати» с рисунками Ю.Анненкова, на котором надпись: «Милому Сергею Городецкому с нежным поцелуем. А.Блок 20 июля 1920 года».

Эта надпись сделана в квартире Блока на Пряжке в Петрограде, когда друзья встретились после долгой разлуки, вызванной пребыванием Городецкого на Кавказе. А в небольшом блокноте Городецкого «Стихи. 1920» после нескольких стихотворений, рисунка Ростральной колонны и здания Биржи (Городецкий, видимо, так соскучился по родному городу, что, как турист, зарисовывал его достопримечательности) запись на стр.129: «Блок — 612.00, Ремизов — 209.69». Это номера телефонов тех, с кем Сергей Митрофанович был связан долгие годы.

Городецкий много рисовал Блока. В основном это юмористические, веселые рисунки, на которые он был мастер. А один сумрачный набросок выполнен на обороте его забракованной цензурой обложки книги Мих. Бабенчикова «Александр Блок и Россия» — последний рисованный портрет Блока, выполненный Городецким.

А.Городецкая. Акварель С.Сорина. Тифлис. 29.V.1919

С.Городецкий и А.Городецкая в своей квартире в Петербурге. 18.V.1913

А.БЛОК – А.А.ГОРОДЕЦКОЙ

7.XII-1911

Анна Алексеевна.

Сереже я посылаю послание Николая Клюева, прошу Вас, возьмите его у него и прочтите, и радуйтесь, милая. Христос с нами и Христос среди нас[1]. У меня болит сейчас о Вас сердце. Целую Вас в уста, как сестру. Сделайте так, чтобы мне можно было иногда прийти к Вам обоим, посидеть тихо — и легко и свободно говорить о внутреннем и болтать о внешнем. Вы сильная и прекрасная, верю Вам и простите меня[2].

А.Б.

Если Вам неприятно, что я так неумело пишу, или Вы совсем о другом думаете сейчас, прошу Вас, подумайте об этом только минуту, потому что я пишу Вам не за себя и не за Вас, а во имя нашего общего, чтобы всем нам стало легче.

[1] Блока поразило письмо Николая Клюева (1887—1937), блестяще написанное, полное фольклорной образности, метафорическое и резкое. Клюев обличал Блока, призывал отдать все, идти в народ. 6 декабря 1911 г. Блок записал в дневнике: «Я над клюевским письмом. Знаю все, что надо делать: отдать деньги, покаяться, раздарить смокинги, даже книги. Но не могу, не хочу» (*Блок А.* Т.7. С.101). Клюев просил показать свое письмо Городецкому, и Блок выполнил его просьбу незамедлительно.

[2] А.А.Городецкая 9 декабря 1911 года послала Блоку ответное письмо: «Я плачу, читая Ваше письмо и письмо к Вам Клюева. И ничего не знаю. И только молю Бога, чтоб Вам было хорошо <...> В сумерки я была одна на кладбище и вдруг слышу сзади себя нечеловеческий вопль. Это вдова-крестьянка, как птица, билась на могиле мужа. И не плакала смиренно, как надо, а кричала бесноватым голосом в небо к Богу. И я знаю, что эти вопли разрывали сердце самого Бога. И я так часто плачу по Вас. Господи, Господи, что же мне делать, я не знаю. Простите за это письмо и не осуждайте меня».

Получив это послание, Блок записал в дневнике: «Письмо мучительное А.А.Городецкой».

С.ГОРОДЕЦКИЙ – Л.Д.БЛОК

Баку, Меркурьевская, 7 *25 VIII <1921>*

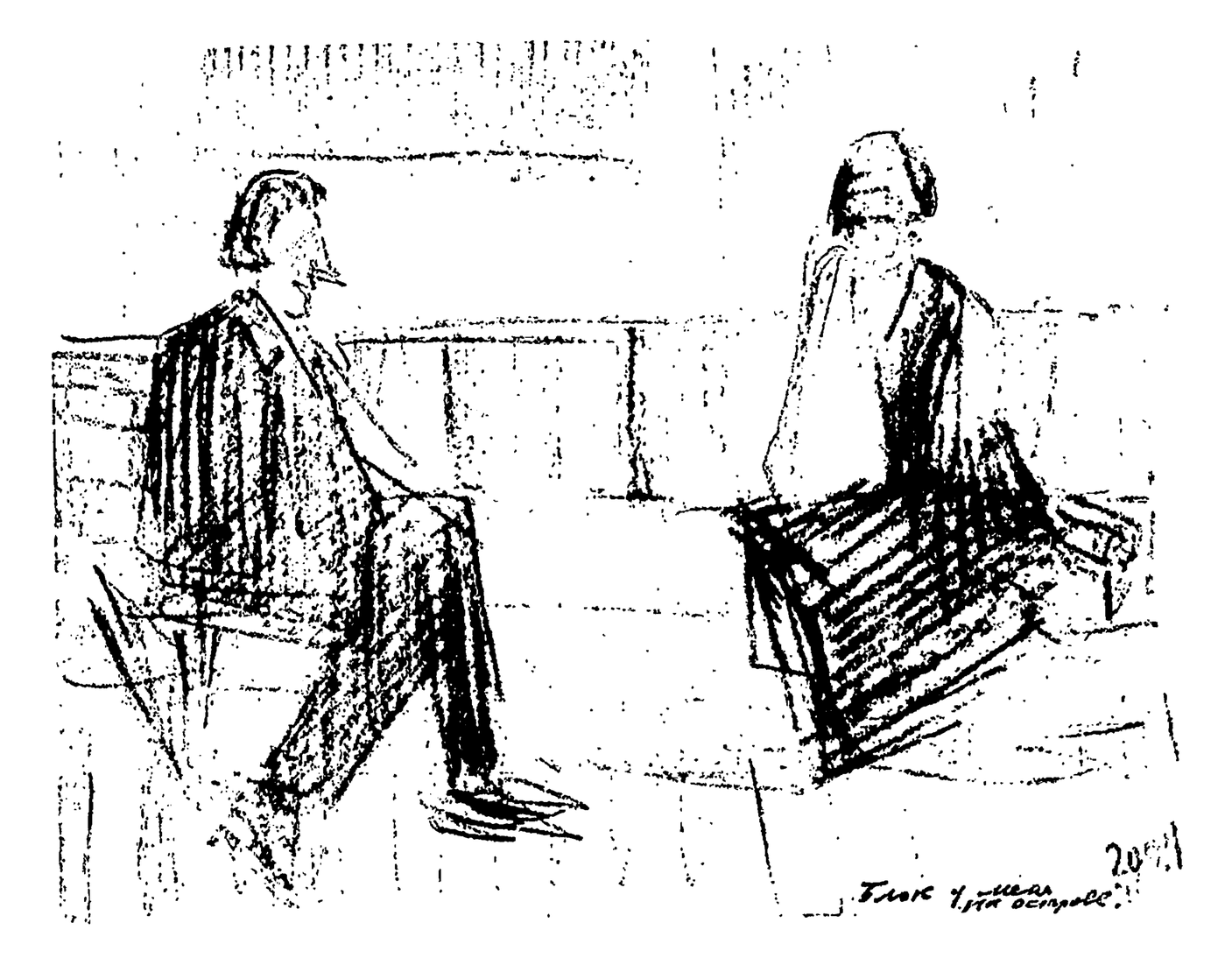
Дорогая Любовь Дмитриевна.

Осиротелый вместе с Вами, я чувствую себя беспомощным перед этим великим, совсем для меня неожиданным горем. Неотступно стоит передо мной Ваш облик там, в казармах, и все сиянье молодого Блока. На долго-долго оставил нам Саша загадку в музыке своих стихов[1]. Читаю их и слышу много нового. Мое поколение он пленил, всю молодую поэзию осенил своими крылами, уже нездешними, над будущей он долго будет летать в зовущей высоте.

Целую Ваши руки, которым молился и он. Пусть любовь взрастит в Вас мужество. Тяжелый, но высокий подвиг культа его памяти пред Вами.

С.Городецкий

Я посылаю стихи Саше[2]. Если будет сборник его памяти, передайте или обнародуйте, где хотите.



«Блок у меня на острове». А.Блок и А.Городецкая. Рисунок С.Городецкого. 20.II.1911

С.Городецкий. «Прозрение о Блоке.» Холст, масло. 17.II.1905. Надписи С.Городецкого: на лицевой стороне холста — «Уединенный Оргиаст! На добрую память тебе!». На обороте холста — «Был показан на выставке моих рисунков в квартире Блока»

[1] Узнав о смерти Блока, Городецкий писал в бакинском журнале «Искусство»: «В Петербурге скончался лучший лирик наших дней, поэт двух революций, Александр Блок, поэзия которого останется живой на долгие времена... На грани двух миров стоит он, зоркий и печальный, проклиная прошлое и благословляя будущее».

[2] Приложенное к письму стихотворение «Александру Блоку» было опубликовано в сборнике С.Городецкого «Грань» (М., 1929). В записной книжке С.Городецкого под общим названием «Александру Блоку» находятся четыре стихотворения, написанные 21-23 августа 1921 года. Первое — уже упоминавшееся, опубликовано, но с некоторыми разночтениями. Три других ранее не печатались и приводятся ниже.

Милому
Сергею Городецкому
съ нѣжными поцѣлуями
Ал. Блокъ.

20 іюня 1920.

Дарственная надпись А.Блока С.Городецкому на первом издании поэмы «Двенадцать» с рисунками Ю.Анненкова. 20.VI.1920

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

* * *

Милый, правда ль, что в могиле
Ты лежишь?
И в миру, где песни жили,
Только тишь?
И в какие ж глянуть очи
В жуткий миг?
И в каких укрыться тучах
Голубых?
И над кем метель запляшет
Вьюжный пляс,
Кто огнем наполнит чаши
Наших глаз?

* * *

Мы живем, если жертва за нас на кресте.
Смерть грозит, если крест на горе опустел.
Путь поэта — Голгофа, и музыки звук —
Только эхо невидимых, огненных мук.
Глубиною страданий земных рождена
И тревожных и радостных песен волна.
Чем грознее метелей ночных ураган,
Тем светлей на заре, на земле жемчуга.
Перед Дамой Прекрасной молитвы ты пел.
Шли в любовь за тобою по тайной тропе.
Ты Нечаянной радости первую весть
Услыхал на полях, уловил в синеве.
Ты от бури до бури прошел в тишине,
Призывая к весне Русь, забитую в снег.
И безумный разгул первозданной красы
Уласкал негой скрипки в Ночные часы.
И на утро Седое тоскующий взор
Мудреца, онемевшего в скорби, простер.
Ты двенадцати грозных размеренный шаг
Услыхал в огневых пулеметных дождях.
И с печатью немой на усталых устах
В блеске полдня ушел. Друг, зачем ты устал!
О несбывшемся вечере песен твоих
Звезды вечности плачут в путях голубых.
И к могиле загадочной с белым крестом
Долго будут ходить с просветленным лицом.

* * *

В синих крыльях вечный вечер скрыл твой лик.
Снежный ветер песен милых голос длит.
В небе Дева снега у жемчужного моста
Держит сердце, изгоревшее в мечтах.
Ненаглядного вручили мы земле.
Незабвенного несли огнем во мгле.

21-23. VIII.

Стихи записаны черными чернилами, почти без поправок. Рядом с датой запись С.Городецкого простым карандашом: «6-X видел его во сне, светлого, с иронической улыбкой. Убеждал, что он еще жив. Улыбался».

Е.Ф.КНИПОВИЧ[1] – С.ГОРОДЕЦКОМУ

29.VII.23

Милый Сергей Митрофанович,

Сейчас получила очень нехорошее письмо от Любови Дмитриевны. Дело в том, что за ней накопилась недоимка по имущественному налогу (около 200 руб.). Фининспектор не желает это сложить и *на днях* придет описывать *имущество*. Оцените красоту картинки — вдове Блока дали проголодать (буквально) зиму, отказали в пенсии и теперь описывают несчастные остатки недопроданных стульев и тарелок. Кабинет и библиотека Алекс. Алекс. — забронированы, т.ч. к ним опись не относится[2]. Любовь Дмитриевна просит выручить ее — достать распоряжение от кого-нибудь из власть имеющих или что-нибудь в этом роде. Ее судьбой интересовался Рыков, т.к. во-первых, он по собственному почину просил Госиздат предоставить ей работу (что и сделано); во-вторых, говорил о ней Луначарскому (который все-таки ничего не сделал).

Надо бы добраться до него, т.к. он, конечно, сразу может прекратить это головотяпство. Но, м.б., надо сделать как-нибудь иначе? Помогите и посоветуйте — ведь так оставить этого нельзя.

Очень *серьезно* прошу Вас об этом.

Позвоните мне, если будете дома, — скажите моему посланнику Э.М.Блюму, когда и как нам встретиться. Я не бываю дома (и занята) только с 6 до 9 вечера — в остальное время я в Вашем распоряжении.

Ев.Книпович.

[1] *Е.Ф.Книпович* (1898–1988) — критик, литературовед. Дружила с А.Блоком и его семьей в последние годы жизни и после его смерти. Сохранился небольшой портрет Е.Ф.Книпович (цв. карандаш), выполненный С.Городецким в 1940-х гг.

[2] В настоящее время сохранившиеся вещи А.Блока, включая библиотеку, находятся в его мемориальном музее, «в доме сером и высоком у морских ворот Невы» (Ахматова) в Петербурге.

Вопреки всем — всему я утверждаю, что Городецкий остался верен себе. Узнаю во всем «старого» Городецкого времен Цеха и Акмеизма и с любовью жду и прозреваю будущего Городецкого.

26/V/21. О. Мандельштам

Записка О.Э.Мандельштама[1]

Вопреки всем — всему я утверждаю, что Городецкий остался верен себе. Узнаю во всем «старого» Городецкого[2] времен Цеха и Акмеизма и с любовью жду и прозреваю будущего Городецкого[3].

26.V.21 *О.Мандельштам.*

[1] О.Мандельштаму, талантливейшему участнику «Цеха поэтов», Городецкий посвятил в 1913 г. восьмистишие:

Он верит в вес, он чтит пространство,
Он нежно любит матерьял.
Он вещества не укорял
За медленность и постоянство.

Строфы послушную квадригу
Он любит — буйно разогнав —
Остановить. И в том он прав,
Что в вечности покорен мигу.

Обложка первого сборника стихов Мандельштама «Камень» (1913), вышедшая в изд-ве «Цеха поэтов», была выполнена Городецким.

[2] Борис Кузин в воспоминаниях «Об О.Э.Мандельштаме» писал: «Из тех, кого я встречал у Мандельштамов, я не мог назвать ни одного близкого друга О.Э. Ближе других был, пожалуй, В.И.Нарбут. Приятельские отношения прежних лет сохранились с М.А.Зенкевичем, меньше с Городецким» (цит. по: «Осип Мандельштам и его время», М., 1995. С.289).

[3] 30 мая 1932 г. в письме И.М.Гронскому, ответственному редактору «Известий», С.Городецкий писал: «В твоей работе я буду тебе по-прежнему помогать. Взял ли ты стихи Мандельштама? Он в интереснейшем моменте перелома, к нему нужна особая чуткость».

Сергей Городецкий Всеволоду Мейерхольду

(К 20-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ)*

15/III — <19>23

Я хотел написать книгу
О тебе,
О твоем театре[1].
Но сейчас всякий балбес
Подвергает тебя игу
Возношения до небес,
Подымания ad patres[2].
И я хочу совсем по-другому
Сквозь юбилейный гомон
Подать тебе голос
И подарить тебе три апельсина[3].
В первом из них — Мнемосина[4].

* * *

Помнишь
Домик в Коломне?
Узкие кулисы[5],
Маленькие актрисы[6],
Блок, выбегающий из метели,
За снежной маской[7]
В шляпе с пером,
Ты — Пьеро
С лицом, покрытым белой замазкой[8],
Свист Кузминской свирели[9],
Артистка с огромными глазами
И ее голос, который вскоре замер[10]*?*
Помнишь ночной диспут?
Вячеслав[11]*, приняв пророческую позу,*
Цитирует Пирама и Тисбу
Или какую-нибудь еще метаморфозу,
Совсем неподходящую к случаю.
Судейкин[12] *воркует с Сапуновым*[13].
Сологуб сидит смиренной тучею.
Аничков[14] *рвет перепонки,*
Доискиваясь первоосновы,
А в синем пламени жженки
Мечутся ослиные уши
Критика, произносящего туши
Или дружескую ругань.
А за окнами вьюга, вьюга.

«Я выступаю». Автопортрет С.Городецкого. Петербург. 1905

С.Городецкий. Велимир Хлебников. Черная бумага, пастель. Баку. 1920

К.Бальмонт, Е.Андреева-Бальмонт, А.Городецкая, С.Городецкий. Петербург. 1907

(В этот период ты тщетно распластывал театр в живопись и вгонял актера в двухмерность, чтобы уничтожить противоречие между телом человека и тряпичной декорацией. Это поражение было исходным пунктом твоих будущих побед.)

Вспомни же дальше, вспомни!
Не было никого тебя бездомней,
Не было никого, тебя одиноче,
Когда ты просиживал ночи
В роскошных снах
Над Мольером,
Пытая Головина
Замыслов неслыханным размером,
Когда ты в рыцарском поединке
Делал театр из Александринки,
Погребу шампанского вскрывая пробки,
Чтобы взорвать стены театральной коробки,
Фейерверком красок, радугой тканей
Зрителя дурманя и раня,
И победой Пирра
Проклиная роскошь тряпичного пира[15].
А из газет
Лаяли критики Игрек и Зет.

(В этот период ты дал генеральное сражение старому театру роскошной лжи в бархатном обмане. В тебе уже назревал художник аскет «Земли Дыбом»[16].)

Проклятая Мнемосина
Слишком задержала у первого апельсина.
У тебя подвигов больше, чем у Геркулеса.
Но над многими лежит еще тайны завеса.
Тео, Теарев и Гитис!
Берегитесь!
Когда-нибудь и о вас напишу.
Пока же ко второму апельсину спешу.

(В этот период от «Мистерии Буфф» до «Земли Дыбом» ты установил каноны грядущего театра массового действия, разрушил театральную коробку и двухмерную декорацию и положил основание конструктивному театру, освобождающему работу актера и режиссера.)

Что же таится в третьем апельсине?
Что он покажет, когда шкурку скинет?
Смотри: из оранжевых пеленок
Вылезает вареный поросенок.
Хвостик весьма аппетитно закручен.
На спине надпись: «лесть»
Много он хрюкал-бесился,
Но все-таки — видишь — уварился.
В его мордочке много благородства.
Он о былом очень жалеет.
И ты в нем найдешь полное сходство
Со многими на твоем юбилее.
Двадцать лет он грыз твои подметки.
А теперь — смотри! — какой грустный и кроткий!
Двадцать лет в злорадном хрюке
Он рвал твои брюки.
А теперь смотрит в твой рот
И ласково ложится на бутерброд,
Нежный, как музыка Россини.

Ну, а что же в третьем апельсине?
Беги от него со всех ног!
В нем — лавровый венок.

(Ибо юбилейное венчание никак не должно погасить в тебе огонь дерзкого искательства, которому только теперь рабочая революция открыла мировой простор.)

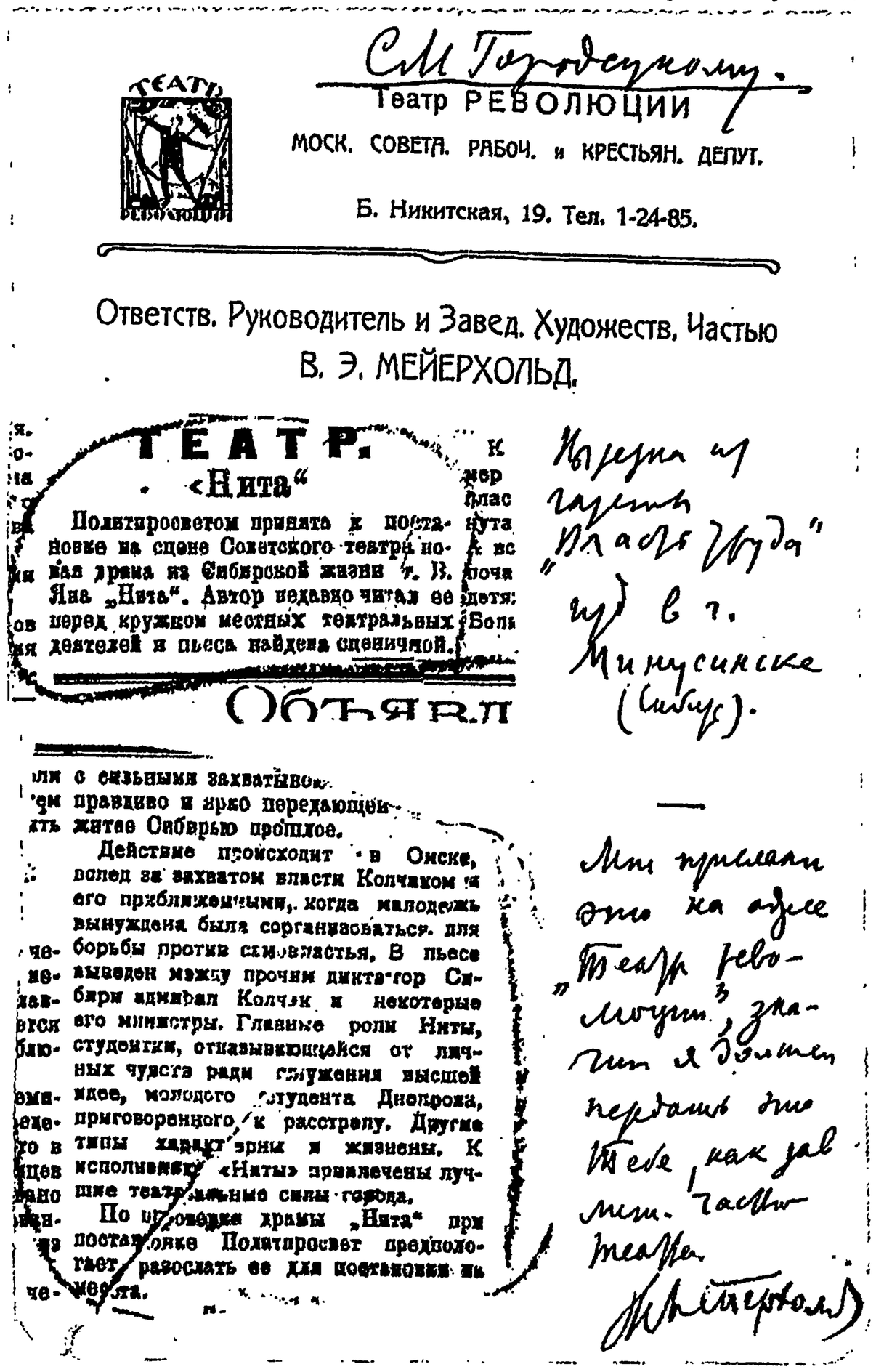
Сергей Городецкий

М.Кузмин «поет у Судейкина». Рисунок С.Городецкого. Петроград. 4.II.1915

А.Ремизов. Рисунок С.Городецкого с автографом А.Ремизова. 13.VIII.1920

Примечание <автора >
В начале этого стихотворения описывается театр В.Ф.Комиссаржевской, где работал Мейерхольд и где происходили театральные собрания с участием Вяч.Иванова, Блока, Сологуба, Судейкина и др.
Во втором отрывке говорится о работе Мейерхольда в Александринском театре. В третьем — о его работе в Тео, Театре Революции и ГИТИСе.
«Земля дыбом» — («Ночь» Мартине) — последняя постановка Мейерхольда.

[1] В 1923 г. В.Э.Мейерхольд (1874—1942) был ответственным руководителем и заведующим художественной частью «Театра Революции», которому в 1923 г. еще при жизни руководителя присвоили его имя. С.Городецкий в 1922 г. служил заведующим литературной частью «Театра Революции». В его архиве сохранилась записка Мейерхольда на бланке «Театра Революции» — на бланк наклеена газетная вырезка, сообщающая о том, что Политпросветом принята к постановке пьеса В.Яна «Нита». Рядом текст рукой Мейерхольда: «Вырезка из газеты "Власть труда" изд. в г. Минусинске (Сибирь) — Мне прислали это на адрес "Театра Революции", значит, я должен передать это тебе, как зав. Лит. частью театра. В.Мейерхольд».
[2] к праотцам (*лат.*)
[3] Городецкий намекает на издававшийся под редакцией В.Э.Мейерхольда в Петрограде в 1914—1916 гг. литературно-театральный журнал «Любовь к трем апельсинам. Журнал доктора Дапертутто». Тираж его был 100 экз. Название журнала восходит к первой сказке для театра Карло Гоцци «Любовь к трем апельсинам», в которой автор утверждал возрождение старой итальянской комедии масок. Доктор Дапертутто — псевдоним В.Э.Мейерхольда. Именно апельсины как некий символ разбрасывали слуги просцениума среди публики во время 2-й постановки «Балаганчика» в зале Тенишевского училища в Петербурге.
[4] Муза памяти (*миф.*).
[5] Здесь описывается Драматический театр В.Ф.Комиссаржевской, работавший в 1904—1909 гг. и находившийся на Офицерской улице в Петербурге. В сезоне 1906—1907 гг. в качестве главного режиссера был приглашен В.Э.Мейерхольд, поставивший, в частности, знаменитый спектакль — «Балаганчик» А.Блока.
[6] Актрисы театра В.Ф.Комиссаржевской — *В.П.Веригина*, *Е.М.Мунт*, *Н.Н.Волохова*, *В.В.Иванова*, входившие в небольшую группу актеров, поэтов, художников, среди которых были С.Городецкий и В.Мейерхольд, тесно сдружившиеся с А.Блоком в период постановки «Балаганчика».
В воспоминаниях о Блоке В.П.Веригина пишет о первой встрече с Городецким: «Блок приковал к себе общее внимание, хотя героем вечера должен был быть Ф.К.Сологуб. Сергей Городецкий делил успех с первым. Оригинальный и обаятельный, он стал нам близким как-то сразу <...> Конец вечера Мунт, Иванова, Волохова и я провели в компании Блока и Городецкого. Они оба вспоминаются мне как-то нераздельно. Тут началось наше дружество» (*Веригина В.П.* Воспоминания об Александре Блоке// Труды по русской и славянской филологии ТГУ. Т.IV. Тарту, 1961. С.313-314). Отдельный оттиск воспоминаний В.П.Веригина подарила С.Городецкому с надписью: «Сергею Городецкому — поэту, отмеченному неповторимой индивидуальностью на память о фантастическом веселии нашей юности. Валентина Веригина. Ленинград 1961, 22.XI».
[7] *Н.Н.Волохова* (Анцыферова; 1878—1966) — вдохновительница цикла стихов А.Блока «Снежная маска», одна из главных тем которого — тема метели. Актриса Драматического театра В.Ф.Комиссаржевской с 1906 г. «С Таврической от Вячеслава Иванова и с Васильевского Острова от Сологуба мы шли обычно большую часть дороги пешком. Блок, Ауслендер, Мейерхольд и Городецкий провожали четырех дам — Волохову, Иванову, Мунт и меня (мы жили в районе Офицерской <...> Мы шли по призрачному городу, через каналы, по фантастическим мостам Северной Венеции <...> Высокая фигура Сергея Городецкого, крутящаяся в снежной мгле, силуэт Блока, этот врезанный в снежную мглу профиль поэта, снежный иней на меховой шапке над строгой бровью, перебеги в снегу, звуки "струнных женских голосов" <...> звездные очи Волоховой, голубые сияющие Веры Ивановой» (*Веригина В.П.*Ук. соч. С.331).
[8] В пьесе Блока «Балаганчик», поставленной им в театре В.Ф.Комиссаржевской, Мейерхольд играл роль Пьеро.
[9] Музыку к «Балаганчику» написал поэт, прозаик, драматург, переводчик и критик *М.А.Кузмин* (1875—1936), который был также и композитором, учеником Н.А.Римского-Корсакова).
[10] *В.В.Иванова* (1880—после 1917). О ней писала В.П.Веригина: «Той же Снежной девой была Вера Иванова с сияющими голубыми глазами. Именно у нее был "синий, синий взор", и у ее шлейфа, тоже "забрызганного звездами", склонялся поэт Городецкий. Правда, он не был ею смирен — он оставался таким же буйным и радостным в ее присутствии, однако снежный хмель бродил и в его голове» (*Веригина В.П.* Ук. соч. С.326).
Вера Иванова заболела туберкулезом зимой 1907—1908 гг. и уехала на лечение в Давос.
[11] Вяч.Иванов был участником собраний в театре В.Ф.Комиссаржевской.
[12] *С.Ю.Судейкин* (1882—1946) — живописец, театральный художник. Входил в группу «Мир искусства». Сохранилось несколько портретов С.Городецкого и его жены, написанных Судейкиным. С 1920 г. жил во Франции, затем в США.
[13] *Н.Н.Сапунов* (1880—1912) — театральный художник и живописец. Член объединения художников «Голубая роза». «Идеальной постановкой маленькой феерии "Балаганчик" я обязан Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду, его труппе, художнику Сапунову и М.А.Кузмину», — писал Блок в августе 1907 г.
[14] *Е.В.Аничков* (1866—1937) — историк литературы, фольклорист, критик.
[15] После конфликта с В.Ф.Комиссаржевской Мейерхольд был приглашен Дирекцией императорских театров на должность главного режиссера Александринского театра. «...Петербуржцы имели удовольствие увидеть талантливого экспериментатора сцены в роли устроителя нарядных и пышных спектаклей. Это были уже не опыты режиссера-декадента. Мейерхольд доказал, что он на все руки мастер. Это были блестящие парадные зрелища, украшенные к тому же таким великолепным декоратором, каким явился тогда перед нашею публикой художник Головин» (*Чулков Георгий.* Годы странствий. М., 1999. С.327).
[16] «Земля дыбом» — пьеса С.Третьякова, поставленная В.Мейерхольдом по книге М.Мартине «Ночь» в переводе С.Городецкого.


С.М. Городецкому.
Театр РЕВОЛЮЦИИ
МОСК. СОВЕТА. РАБОЧ. и КРЕСТЬЯН. ДЕПУТ.
Б. Никитская, 19. Тел. 1-24-85.
Ответств. Руководитель и Завед. Художеств. Частью
В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД.
ТЕАТР.
«Нита»
Политпросветом принята к постановке на сцене Советского театра новая драма из Сибирской жизни т. В. Яна „Нита". Автор недавно читал ее перед кружком местных театральных деятелей и пьеса найдена сценичной.
Вырезка из газеты „Власть труда" изд в г. Минусинске (Сибирь).
с сильными захватывающим правдиво и ярко передающим житье Сибирью прошлое.
Действие происходит в Омске, вслед за захватом власти Колчаком и его приближенными, когда молодежь вынуждена была сорганизоваться для борьбы против самовластья. В пьесе выведен между прочим диктатор Сибири адмирал Колчак и некоторые его министры. Главные роли Ниты, студентки, отказывающейся от личных чувств ради служения высшей идее, молодого студента Днепрова, приговоренного к расстрелу. Другие типы характерны и жизненны. К исполнению «Ниты» привлечены лучшие театральные силы города.
По прочтении драмы „Нита" при постановке Политпросвет предполагает разослать ее для постановки на местах.
Мне прислали это на адрес „Театр революции", значит я должен передать это тебе, как зав. лит. частью театра.
Мейерхольд

Записка В.Мейерхольда С.Городецкому на бланке театра Революции. 1922

Письмо Сергея Городецкого Якубу Коласу[1]

< Январь. 1948 >

Вот как я встретил Новый Год[2].

1-го я получил 4 поздравления. Твое письмо и книгу (впервые Минск выпустил красиво!), телеграммы от Турчанова и Молдавского (молодой, талантливый поэт, которого я пригрел в Сталинабаде и которого пригревают сейчас в Ленинграде) и письмо от Татьяны Алексеевны — Нимфиной сестры, которую я со сломанной во время бомбежки ногой увез с собой — ты ее видел в Ташкенте у нас — и которой я помогаю в память Нимфы. Итого, Москва, Ленинград, Минск, Ростов — не так мало?..

29—30-го я мечтал выехать к тебе на встречу Нового года, имея приглашение к Вере Дуловой, Наиной подруге, где Ная чувствовала бы себя как дома. Но 30-го Ная заболела, и мечта рухнула.

Еще два важных абзаца в этом письме.

1-й о Достоевском.

Ты совершенно прав. Достоевского отдавать врагам глупо. Две статьи — Заславского и Ермилова[3] — не поднимают вопрос целиком. Заславский выкидывает ребенка из ванны вместе с грязной водой. Затушевывает идею мирового счастья, которую проповедовал Достоевский. Ермилов написал глубже, чем он, но все же не поднял темы.

У меня с Достоевским, по крайней мере, пятьдесят лет борьбы. Мне было девять лет, когда умер отец и мать с пятью детьми перешла с бюджета в 1000 р. на 100 р. с чем-то пенсии. Мы решили жить за городом, в Лесном. Перевезли чудесный архив отца — библиотеку, переписку с Вл.Соловьевым, Лесковым, картины отца — и все сгорело на даче в ночь после переезда. Я вернулся в горящий дом и разбудил кухарку, про которую забыли. Она, дура, выскакивая в дверь, не схватила меня за руку, а огонь вслед за ней закрыл дверь из кухни в комнату. Оставалась дверь наружу, но она была заперта на ключ. А ключ висел высоко для моего роста. Я помню: я взглянул на него, взглянул на пламя, охватившее половину тесной кухоньки, и, решив, что не успею влезть на стол, взять ключ и отомкнуть дверь, тронул шпингалет на окне, он не открылся, и тогда я ручонками вышиб стекло и вылез в окно, перерезав на правой руке артерию. Это был июнь, цвела сирень, белая ночь, все в одном белье бегают по саду, нянька бросилась в огонь к своему сундуку, а из Сергунчика (так меня звали) хлещет кровь, пятнами ложась на ночные рубашки матери, сестры, брата. Потом мы бежим к знакомым, я отстаю, мне изменяют силы. Напротив дача Скараманги — барина. Я вбегаю на кухню, вижу бочку с водой и — вот дурак — опускаю в нее руку. Мне становится легко. Хочется спать. Я, шатаясь, вхожу в кухню, вижу постель и падаю на нее. Грубая рука толстой кухарки стаскивает меня, и ругает меня кухарка, что я запятнал своей кровью ее простыни.

Якуб Колас. Рисунок С.Городецкого в письме к Я.Коласу от 25.1.1941

Я бегу, догоняю наших.
Не очень поодаль на даче жил интендант. Говорили, что у него много денег, и поэтому всю ночь кто-нибудь из семьи дежурит на балконе. Семья состояла из старика, старухи, сына, вечного студента, и красавицы-дочки, в которую был влюблен мой старший брат, Борис, гимназист 8-го класса. Можешь мне поверить, что красоту человеческого лица я тогда уже понимал. Отец и мать — дивной одухотворенной красоты имели лица, Лелечка, старшая сестра — Тициановская блондинка (я это, конечно, позже сообразил), Таничка — трехлетний ребенок — Врубелевская богоматерь. Помню, что отчество дочери интенданта было: Казимировна. Я был в нее тоже влюблен. Она была похожа на красавицу с картины Крамского, где он изобразил любовницу Александра II на фоне Зимнего дворца (и какой дерзостью это казалось!).
И вот, когда я увидел, что наши бегут к даче Казимировны, мои иссякающие уже силы вдруг вспыхнули, и я увидел на балконе керосиновую лампу под зеленым колпаком и студента в темно-зеленой тужурке с золотыми пуговицами над книгой и даже его лысеющую голову, что меня всегда удивляло, п.ч. я не знал, что бывают «вечные» студенты.
Меня уложили на диван. Я еще помню, что в ране что-то белело. Нянька срывала тюлевые занавески с окон, чтобы достать паутину, и все старались заткнуть рану паутиной.
Но лысеющий студент через некоторое время привел знаменитого хирурга Вредена, который жил недалеко.
Он ликвидировал паутину и последнее, что я слышал: «Не давайте ему заснуть».
А мне так хотелось спать!
Смерть подходит к нам, ласкаясь и обманывая (как меня при уходе Нимфы), улещивая и подхалимствуя, и вдруг нападает вероломно. Не верь ей!
Вор-интендант часа три держал мою руку, зажав артерию, чтоб не вся кровь из меня вытекла, пока приехал извозчик.
Потом брат 7 верст вез меня в клинику Виллье, и я, просыпаясь на мгновения, слышал его рыдания о гибели библиотеки отца (он — мой брат — был библиографом-этнографом Северного Кавказа и Дагестана).
Я очнулся на постели, над которой стояла большая белая буква «П», к которой привязывали мою руку.
Мне дали большую рюмку портвейна, и всякое ощущение возобновления жизни у меня связано с приемом алкоголя. (Начал я в 25 лет, после смерти младшего брата.)
Ты все еще не понимаешь, почему я отнимаю у тебя время этим рассказом, начав о Достоевском.
Вот почему.
Я выжил. Но физическое истощение (потеря крови) сказалось усилением психической деятельности, ее уродливой гипертрофией. Помню нашу детскую в бедной, уже после смерти отца, квартире с маленьким окном на фабричные окрестности Петербурга. Там затухала вечерняя заря, там вечно дымили трубы. Там была своя жизнь.
Таинственная, неведомая мне и влекущая.
Надо тебе сказать, что нянька в больницу дала мне бумажную иконку Сергия Радонежского, моего патрона. И этот старичок полюбился мне, потому что у него на иконе замечательно (как никогда, конечно, в жизни) была причесана борода. Бородатые люди приходили к отцу. Сам отец носил небольшую, идеально расчесанную бородку. Но помещик Лазов влезал в наш дом (откуда-то с польско-белорусских границ) с лохматой, растрепанной бородой, но негустая бородка Лескова смущала меня своим беспорядком, так же, как и помпончики на мягкой рубашке, вместо железного галстуха на твердо-крахмальном воротнике. Помню даже, что я по поводу этих помпончиков имел с отцом серьезный разговор. (Нам, детям, по праздникам надевали на шею отложные крахмальные воротнички, которые житья не давали.)
Итак, святой Сергий привлек меня своей организованной по моим правилам (я их уже имел) бородой.
У меня установились с ним совершенно особые, никому не известные (вообще, главное страдание моего детства заключалось в том, что никто не понимал, чего я хочу и что думаю) отношения.
И вот, когда после раны ослабло движение крови во мне, и ее количество (как у раненых на войне), остатки и реминисценции психики вышли за положенные им пределы.
В то окошечко, о котором я говорил выше, отец Сергий совершенно свободно, во весь рост стал вплывать ко мне, и мы дружески с ним беседовали, и я спокойно засыпал.
Когда он не вплывал, нянька — я слышал — говорила матери: — Сергунчик опять всю ночь метался, плакал и кричал. — А что кричал? — спрашивала мать, у которой струны души были нежнее, чем у эоловой арфы.
— Не разобрать, барыня! — отвечала нянька: — все звал кого-то. — А кого? — Какого-то Рафаломея.
Ничего они не понимали.
Св.Сергий в миру был Варфоломей.
Незадолго до смерти отец получил чин действительного статского советника. И я, в девять лет не желая жить без жизненного плана, установил его: я буду действительным статским советником, а потом святым. (Надо сказать, что предпосылка этой карьеры была основательная: святой Филарет Дроздов, написавший катехизис, был нашим предком, и, позднее, в гимназии, я отказывался зубрить катехизис, аргументируя, что это писал мой пра-пра-прадед, и я сам, значит, могу так написать.)
Чтобы быть святым, я решил кончить жизнь монахом (на что оно сейчас и похоже!) и, принимая схиму, принять имя Варфоломея, потому что это было имя св.Сергия в миру.
Ну что понимают взрослые в детских катастрофах! (Будь нежен к моему тезке с самого начала его сознательной жизни — она уже началась! Меня оторвали от груди матери в первые месяцы — у нее было воспаление легких — и — нянька говорила — я ни одной кормилицы не принимал — на рожке вырос.)
С детской правдивостью я рассказал о своих разговорах с подвижником.
Меня повели к психиатру.

Это был знаменитый профессор Гизе.
Как сейчас его помню.
Рослый, красивый брюнет.
— Ну-ка, молодой человек (мне 10-11 лет)! Рассказывайте откровенно, чем вы занимаетесь.
Привела меня моя сестра, красавица Леля.
Дети страшно чутки к малейшим оттенкам намеков на половые отношения между взрослыми.
Я сразу возненавидел его. Мне уже не нравилась его фамилия. А в глазах его, какими он смотрел на Лелю, которую я обожал, я увидел то, за что захотелось поднять на него свои бескровные кулачки.
Я занял выжидательную позицию.
— Разденьтесь!
Разделся. Стою.
— Ну, говорите правду.
— Про что?
— Ну, вот, про это.
И показывает на то, про что я еще не знал, что оно у меня есть.
— Занимаетесь?
— Чем?
— Вот этим?
Наверно, в глазах моих было такое недоумение, что даже этот бабник обалдел.
Он что-то замычал и стал чем-то чиркать мне по нежным местам вокруг центра.
Я закричал.
Он отступил.
— Странно! Никакой возбуждаемости. Одевайтесь!
И второй раз хотелось мне поднять на него свои кулачки, когда он Лелечке, моей ангельской Лелечке сказал слово, которое я принял как оскорбление.
— На онанизм показаний нет. Казус неясен.
— На что нет показаний? — спросила Лелечка.
— На онанизм, — нагло ответил он.
— А где это?
— А я думал, что вы это уже испытали.
Леля вспыхнула. Три рубля, и мы ушли, оба взволнованные.
Но я и счастливый.
Больше всего я боялся, что он меня спросит про мои разговоры с подвижником. Мне казалось, что он не может этого не знать.
Я чувствовал себя свободным.
— Лелечка! Он действительный статский советник?
— Нет.
— И не будет?
— Нет. Он вольнопрактикующий.
Гордо шагал я по Невскому. С моим врагом у меня разные дороги.
Библиотека отца состояла из сочинений классиков в первых изданиях. Я читал все.

Е.Городецкая, сестра С.Городецкого. Петербург. Фотография 1900-х годов

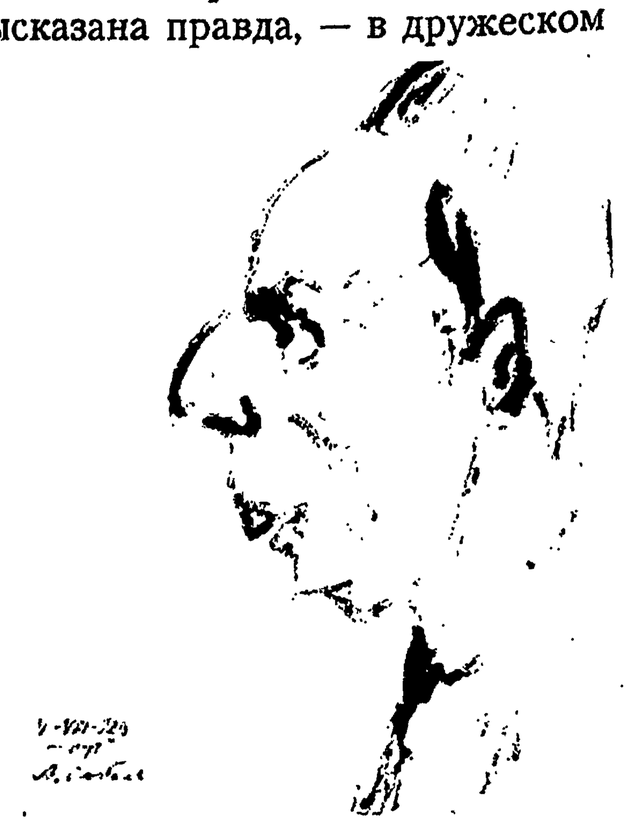
С.Городецкий. Орел. 1900

Но старший мой брат Борис вскоре обогатил мое литературоведчество.
Вдова Достоевского, Анна Григорьевна, с которой я много позже, в салоне барона Дризена, спорил по вопросу о том, пользовался ли Федор Михайлович в своих анализах человеческой души сочинениями современных ему психиатров, на каковой вопрос она отвечала, стуча посохом по блестящему паркету, — нет, никогда. Вот эта Анна Григорьевна решила взять студентов для распространения первого полного, предпринятого ею, издания сочинений Ф.М.
И мой брат — посмертное спасибо ему за это, взял меня с собою на Николаевскую улицу, на квартиру, где умер Ф.М.
Помню: мрачная передняя, большой кабинет, с темными обоями, с мрачным диваном, с толстыми, набитыми книгами шкафами, с затоптанным — рисунка разобрать нельзя — ковром, с тяжелым письменным столом, с густыми, едва дающими дорогу свету портьерами на окнах.
Все это я запомнил, потому что это меня поразило. А поразило это меня потому, что кабинет отца, на маленьком ковре которого я ползал, наслаждаясь гравюрами в «Пчеле», изображающими баталии, в которых адмиралы Нахимов и Рожественский («герой» Цусимы, которого позднее я видел живым один раз!) топят турецкие фрегаты; изображающими — в изданиях, редактируемых отцом, — всех Дмитриев Ростовских, мощи вашей Евфимии Полоцкой, семью Ярослава, всю нашу историю, — этот кабинет, оснащенный письменным столом с «иконостасом» (как у меня) всех, кого любил отец, с светло-ореховым шкафом книг, весь пронизанный светом сердца моего отца, говорил о жизни, вырастающей из прошлого.
А кабинет Достоевского был мрачен.
Брат увел меня, и вскоре на его столе появились томики первого полного собрания сочинений Достоевского. В голубовато-зеленоватой обложке.
Я их съел, как съел все запретное: «Человеческое, слишком человеческое» Ницше (не принял: похоже

на Евангелие, но хуже), Писарева и Чернышевского, по которым я только лазал, не понимая, почему так длинно.
Из Достоевского я взял только одну мысль — главную: «Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен».
Я вполне мог подчиниться этой мысли, п.ч. мое детство говорило о том, что она — правда.
Я тогда же составил завещание на случай моей смерти (которая стала подругой моей мысли со дня моего ранения на пожаре) и просил, чтоб на моей могиле написали только: «О мире всего мира».
Вот это первая моя встреча с Достоевским.
Вторая.
К 1929 году я уже десять лет был полноценным советским человеком. Лет за пять до этого в статье об Андрее Соболе, покончившем самоубийством у памятника Достоевскому, где теперь стоит Тимирязев[4] (оба резца Меркурова, который не понял Достоевского), в «Известиях» я предостерег от всех ядов, которые таятся в Достоевском, и стихотворение, посвященное Андрею Соболю, я закончил словами:

Федор Михайлович, долго ли
Будете нас вы пытать?

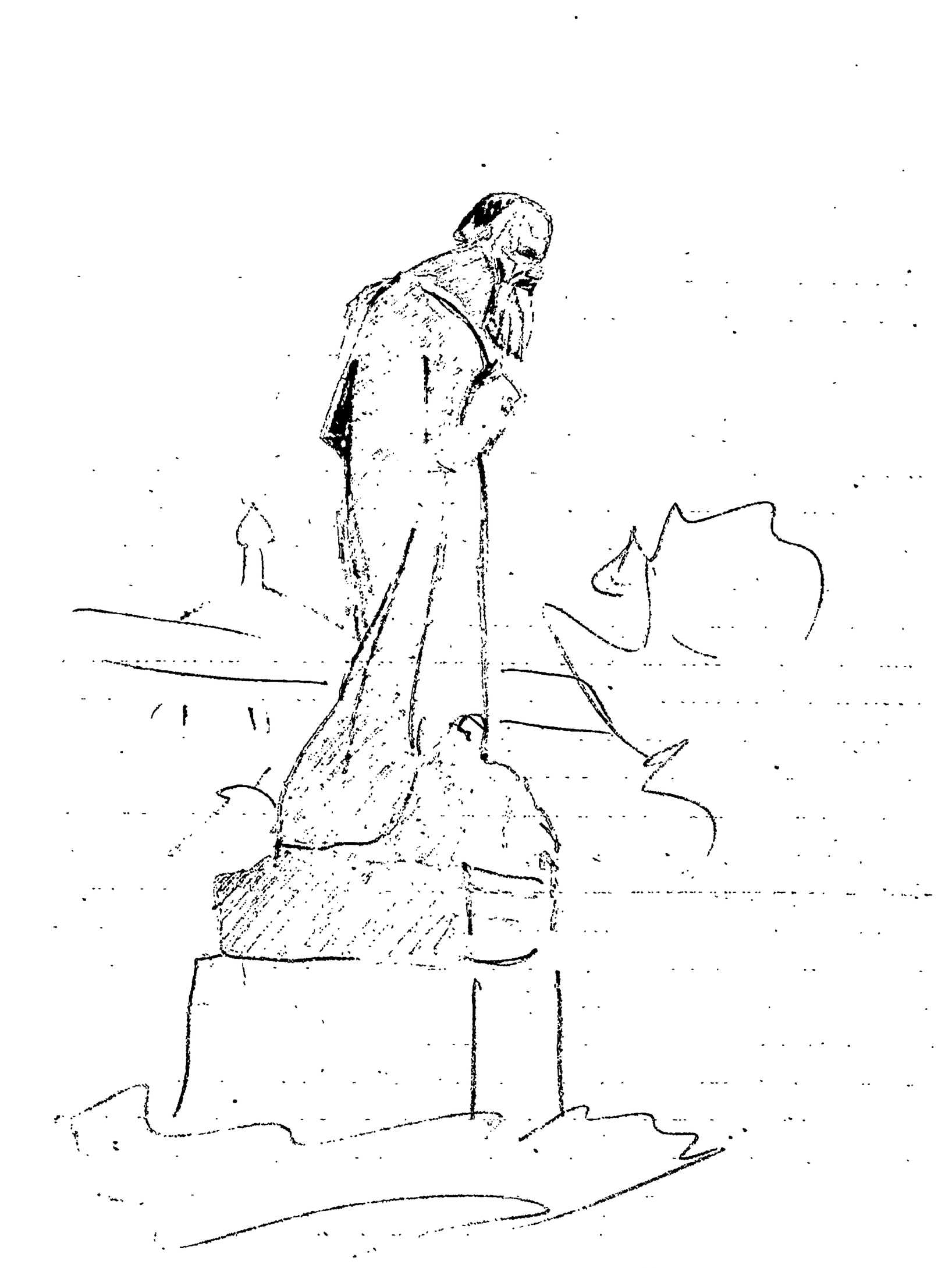
В 1929 г. я написал стихотворение «Достоевский»[5]. Оно до сих пор не опубликовано, благодаря прочному идиотизму критика Федора Левина, который на моем сверстанном в 1934 г. и готовом к печати сборнике избранных стихов написал со свойственной ему глупостью и наглостью: «В архив».
В этом стихотворении поставлена вся проблема Достоевского. Тургенев, у которого он занимал, проигравшись в Германии, 25 р. (и с таким унижением отдавал в «Шамбр гарни», на углу Петровки и Кузнецкого, в разрушенном ныне доме, где немка, английская шпионка, отравила Скобелева, чтоб 20 тысяч русского войска, по его плану, не смяли 7 тысяч сипаев, больше чего не могла дать Англия для порабощения Индии) — этот Тургенев кантианский ноль перед проглотившим Гегеля, как Писарев и Чернышевский, Достоевским.
С Достоевским нужно сделать то, что Маркс сделал с Гегелем: человека, стоящего на голове, поставить на ноги.
Главное в нем: жизнь — борьба, жизнь без мечты о человеческом счастье — смерть.
Все остальное — родимые пятна, которые мы смываем и с Белинского (его монархизм), и с Горького («Горький болен, надо лечиться» — фраза Ленина об антисоветских настроениях Горького, спасшая его (Горького) для будущего).
Достоевский в третий раз возник передо мной в начале Отечественной войны.
Никто, как он, так резко не разоблачал мировое значение немецкого мещанства. Он предсказал то, что сейчас делается в Америке: мещанизация демократии. И предупредил!
А гномы Заславские и Ермиловы затыкают уши ватой приспособленчества и, давая все козыри в руки врагам, бормочут о вреде Достоевского для нас. А этот вред не больше, чем вред хины для сердца, исцеляющей малярию.
Я тебе сейчас скажу в чем дело. И пусть эти слова мои прозвучат, как слова критика «Мол<одой> Гвардии» в письме к тебе, которое ты не мог найти. Все равно, где высказана правда, — в дружеском письме или на каждом плакате — она победит. И авторства народная правда не требует. А я говорю ее.
Доказательство этому в том, что мы сейчас в вопросе о Достоевском не в первый раз, не сговариваясь, думаем одно и то же.
18 декабря в «Лит<ературной> Газ<ете>» на примирении Ермилова с Левиным я, спровоцированный репликами, разъярился и сказал: — Вот вы считаете «Бесы» самым реакционным романом. А я утверждаю, что это самый острый памфлет на меньшевизм, что герои «Бесов» — это — Рыковы, Троцкие, Каменевы и т.д.
Мне кинули: «памфлет на анархизм, на нечаевщину». Я: — Разницы нет. Меньшевизм — это стихийность, это одно и то же.
В июне 41 г. я предлагал Чагину[6] выпустить антинемецкие статьи Достоевского, попутно разъяснив смысл «Бесов». Он почти согласился, но мне велели ехать в Ташкент, когда я записался в ополчение.
Вопрос повис в воздухе.
Ты правильно опять его поднимаешь.
Дело в том, что объедки Достоевского, подобранные в Париже «Христианским экзистенсиалистом» Бердяевым и «атеистическим экзистенсиализмом» Сартра, действительно, могут послужить базой — и служат — для укоренения рабского сознания в Европе, даже для пропаганды половой распущенности и садизма.



Андрей Соболь. Рисунок С.Городецкого. Москва. 31.VIII.1923

Но неужели биографический факт из жизни Достоевского, изнасиловавшего (а, м.б., и нет) девочку и убедившего ее повеситься — за что Д. всю жизнь расплачивался душевной каторгой похлеще сибирской, — есть все, для чего Достоевский родился и что он сделал?
Ведь и Гете не написал бы Маргариту, если б соблазненная им девчонка (забыл имя) не утопилась.
Это — издержки производства, которые народ прощает, если они идут на гениев.
Глупость Заславского и Ермилова в том, что они не усмотрели, что сартризм питается объедками Достоевского. Берите, жрите, но стол-то наш, и мы вас за ним видеть не хотим — вот единственно правильная позиция в нашем моменте, когда мы справедливо хлещем низкопоклонство перед Европой. Из Достоевского можно сделать бич мещанства, а мы развариваем веревку бича в погоне подхалимажа перед великими идеями нашего века и преподносим орудие своей борьбы в виде компота: кушайте на здоровье!
Это все равно, что Катюшу в дни войны посылать немцам в виде папирос этой марки.

Сергей.



Памятник Ф.М.Достоевскому в Москве.
Рисунок С.Городецкого. 1930-е годы

[1] *Якуб Колас* (К.И.Мицкевич; 1882—1956) — белорусский поэт. С.Городецкий был дружен с ним и перевел многие его произведения на русский язык.

[2] В письме, оставшемся в архиве С.Городецкого, отсутствуют первые две страницы.

[3] *Д.И.Заславский* — публицист. Автор публицистических и историко-биографических книг, в т.ч. «Ф.М.Достоевский», М., 1956; *В.В.Ермилов* (1904—1965) — критик, литературовед. Автор исследования «Против реакционных идей в творчестве Достоевского». М., 1949, и кн. «Ф.М.Достоевский» М., 1956. Приведем следующие записи С.Городецкого в дневнике за 1947 г.: «22.XII. Статья Заславского о Достоевском. Все складно. Но разве прекрасное в искусстве может идти от непрекрасного в душе? А у Достоевского было прекрасное, и весь он в Голядкина не влезет. 26.XII. <...> Статья Ермилова о Достоевском глубже, чем Заславского. Но, по существу, обе — не больше, чем инструкции сартристам-экзистенциалистам, как им пользоваться Достоевским. О положительном его только вскользь, для приличия. А, м.б., стоило бы и повоевать за лучшее и путное в нем».

[4] В действительности памятник Достоевскому, выполненный С.Д.Меркуровым в 1914 г., первоначально был установлен 7 ноября 1918 г. на Цветном бульваре недалеко от Трубной площади. В 1936 г. перенесен во двор дома №2 по улице Достоевского.

[5] Сохранился машинописный текст стихотворения «Достоевский» 1929 г., подписанный Городецким. В 1933 г. поэт внес в него несколько существенных изменений, а в 1967 г. кардинально переработал и включил в сборник «Северное сияние». Публикуемый первоначальный вариант 1929 г. содержит на семь строф больше, чем вошедший в книги Городецкого, в том числе и в двухтомник его избранных произведений 1987 г.

ДОСТОЕВСКИЙ

Уйдите! Уйдите! Я вас не хочу!
Я вас умоляю! Учитель, уйдите!
Смеетесь? Ошиблись! Вы мне по плечу.
Но я в сердце вихря вам страшных событий.

Вы доктора сын. Вы большой психиатр,
Анатом рубцов изъязвленного мозга.
Людского страданья эсхиллов театр
Вы ставите властно махиной громоздкой.

Поймите меня! Вам легко пожалеть
Проходимца двух эр, двух эпох ледниковых.
Вы построили мне одиночную клеть,
Вы надели на волю смиренья оковы!

Так зачем же вам ночью меня посещать,
Вам, мучителю дум краевых поколений?
Я из клетки бежал, вызволенья ища,
Я не с вами, а с тем, кто зовет себя Ленин.

И зачем вы мне шепчете: — Этот чекист,
Твой приятель, он — мой! Он — Рогожин!
Смотри, как он в диком расстреле плечист!
Смотри, как он смертью людскою разложен!

И зачем подаете мне счет мертвецов
И глухой поминальник последышей Мити
Подымаете вверх над церковным крыльцом,
Где плакат развевается: «В клуб заходите!»?

Вы, Федор Михайлович, бросьте шутить!
Раз сгоняв на авто, кто же ездит в телеге?
В руках у меня ариаднова нить.
Да, вы диалектик. Но гений в ней — Гегель!

И с ним, и за ним, и за Марксом над ним
Я пойду напролом отрицать отрицанье,
Хоть боюсь тех ночей, где мы с вами одни,
И где третьим меж нас сладострастье страданья.

Солнцем день закипает. Взрывают гудки
Безделья ночного седое болото.
Я в массе. Я с нею. Гудков кипятки
Мне шпарят израненный череп работой.

И вы истлеваете в блеске труда.
Вы лысым ребенком застыли в тревоге,
В костлявые пальцы зажав повода
Сорвавшейся тройки, чей кучер был Гоголь.

И очень спокойно я в будни иду
Простым рядовым в необъятнейший подвиг
И левой и правой рукою кладу
На стройке кирпичные капельки по две.

Вы ждете, гранит запахнув на себе,
Немым валуном средь людей притворяясь.
И смотрите вдаль, где идет по Трубе,
Стреляя ресницами, Соня вторая.

Туманы ночные за нею ползут,
Цепляясь за окна фатой синеватой.
Гудки замирают. Кончается труд.
Вся линия улицы тьмою измята.

И снова, пугая распухшим лицом,
Вот тем, что в гробу срисовал с вас художник,
Ко мне, соблазняя терновым венцом,
Из мертвого дома приходит острожник.

Клочок порыжевшей (в аду?) бороды,
Пиджак словно соткан из невских туманов.
Я знаю: колода картишек худых
Взметнется из близкого к сердцу кармана.

Вы мечете банк. Я иду. Проиграл.
Еще! Карта бита. Кончайте! Я нищий!
Со Спасских ворот долетает хорал:
«Вы жертвою пали...» Вы ищете пищи.

Искусству раскрыв ненасытную пасть,
В нее вы бросаете тему за темой.
И жадная ночь насыщается всласть
Еще ненаписанной вами поэмой.

И как же писать вам? Вы просто скелет.
Мираж в пиджаке из туманов зеленых.
И челюсти ваши скрежещут: — Ну нет!
Найду неофитов себе исступленных!

— Хотите ва-банк? Отвечаю, дрожа:
— Я понял! Хочу! Достоевщина — ставка?
Но раньше, чем карта, ударом ножа
Рассвет рассекает нас. Кончена явка!

И нет никого. Диалектику прочь
Не выгонишь запросто даже из бреда!
Да, Федор Михайлович! Белая ночь
Певца своего захотела проведать!

Я к форточке. Воздуху! Ветер, смеясь,
Сдувает губительный пепел свиданья.
И кожу окраски сменив, как змея,
Вдаль улица стройно ведет свои зданья.

И строится город. И пилы звенят,
Прочнейшую гать настилая на омут.
Но странная сила уносит меня
За вами идти, но идти по-иному.

И жутко мне кажется: — Кто ж, как не ты,
Расскажет сегодняшний бунт человечий?
Я, Федор Михайлович, в тайне мечты —
Взвалить вашу страшную ношу на плечи.

Да, я расскажу Ярославль и Москву,
Я с вами пойду в погреба контрразведки,
Расстрелы и казни векам покажу,
Но буду молиться на сталь пятилетки.

[6] *П.И.Чагин* (Болдовкин; 1898—1967) — издательский работник. В 1939—1946 гг. директор издательства «Художественная литература»

Из дневников

С.Городецкий вел дневники всю жизнь, но сохранились лишь тетради за 1933, 34, 37, 41-42, 43, 44, 46, 47 и 52 годы. В них подробно отмечены встречи, работа, полученная и отправленная корреспонденция и т.д. Городецкий писал дневники в больших, специально разграфленных тетрадях, очень мелким, малоразборчивым почерком. Ниже публикуются некоторые расшифрованные записи поэта из дневников разных лет.

Текст оперы М.И.Глинки «Иван Сусанин» с записью С.Городецкого на титульном листе: «В этом экз<емпляре> текст Розена подчеркнут горизонтальной по строкам или вертикальной по строфам линиями. Отредактированные фразы Розена отмечены: ред. Все не подчеркнутое — мое. С.Г.»

1933 год

21 февраля. Был Комиссаржевский. Говорили о театре символистов и В<ере> Ф<едоровне>. Я должен написать эту книгу: «Театр символистов»[1].

29 мая. Неожиданно пришел Петров-Водкин[2], разоренный ТВС! Пофилософствовали, рассказывал о своих книгах. Он — один из немногих, понимающих принципы композиции.

5 июля. Пришлось все отложить, чтобы пересоставить сборник стихов 903-33[3]. В два дня все взворошилось, Ярь и пр. Весь путь прям и смел. Все линии целы, рост огромный. Книга могутная. Безобразие, что она эти годы не издавалась. Нянчились дураки-ред<акторы> со всякой дрянью и тормозили развитие современной поэзии.

28 декабря. Умер Луначарский. Полуразночинец западной формации, полуинтеллигент. Широко талантлив, горько-умен — подлинной культуры не хватало, чтобы стать вождем интеллигенции эпохи великого перелома. Блестящий организатор-импровизатор.

1934 год

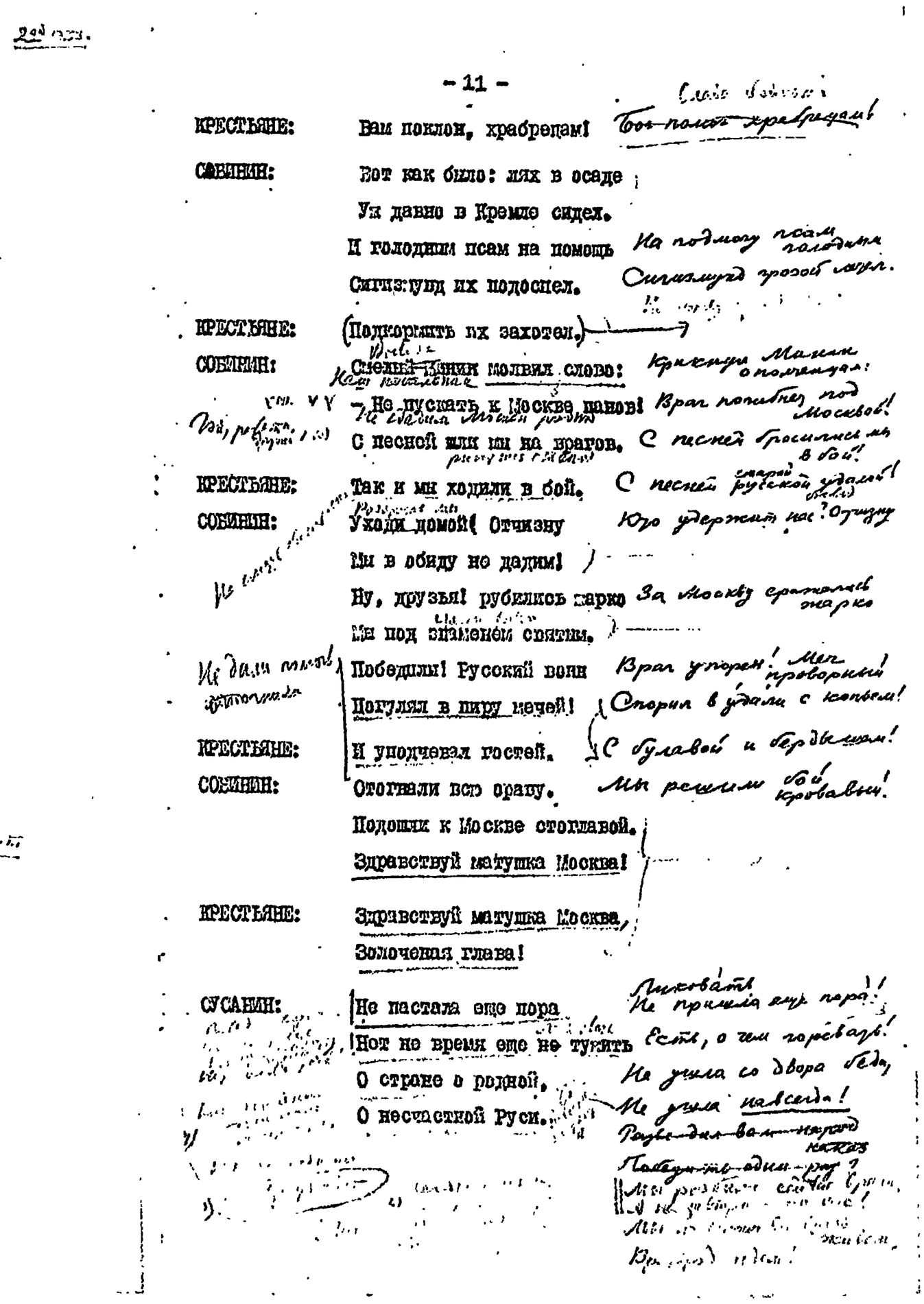
14 июля. Чехов. Помню завтрашний день 30 лет тому назад. Солнечный день в деревне[4]. Газета. Прочел, убежал в лес плакать. Потом написал 2-3 страницы о нем (проза) в тетрадке. Это одни из самых первых моих страниц, где слова уже начинали жить. Они погибли вместе со всем архивом моим в складе в Ленинграде, в 20-м году. Такое же чувство и сейчас: потеря ближайшего человека, родного и живого еще сегодня.

25 сентября. На выставке Узбекистана: много светлого. Вырос Волков[5]. Приходил Клычков: отличные стихи против смерти.

1935 год

3 января. Радио дает IX (Бетховена). Мои слова «Оды к радости» лежат отлично в музыке, но ни одного слова не разобрать. Какая музыка! Будто про нас!

5 января. Приехал в Ленинград. Встречался с Зильберштейном, Луговским.



ИВАН СУСАНИН.

Опера в 4-х действиях с прологом и эпилогом.

муз. ГЛИНКИ,

текст С.М.ГОРОДЕЦКОГО.
и ?? РОЗЕНА.

В этом экз. текст Розена подчеркнут горизонтальной по строкам или вертикальной по строфам линиями.
Отредактированные фразы Розена отмечены: ред.
Все не подчеркнутое — мое
С.Г.

— 11 —

КРЕСТЬЯНЕ: Вам поклон, храбрецам!

СОБИНИН: Вот как было: ляхи в осаде
Уж давно в Кремле сидел.
И голодным псам на помощь
Сигизмунд их подоспел.

КРЕСТЬЯНЕ: (Подкормить их захотел.)

СОБИНИН: Сделал Минин молвил слово:
— Не пускать к Москве панов!
С песней шли мы на врагов.

КРЕСТЬЯНЕ: Так и мы ходили в бой.

СОБИНИН: Уходи домой! Отчизну
Мы в обиду не дадим!
Ну, друзья! рубились жарко
Мы под знаменем святым.
Победили! Русский воин
Погулял в пиру нечей!

КРЕСТЬЯНЕ: И уподчевал гостей.

СОБИНИН: Отогнали всю орду.
Подошли к Москве стоглавой.
Здравствуй матушка Москва!

КРЕСТЬЯНЕ: Здравствуй матушка Москва,
Золоченая глава!

СУСАНИН: Не настала еще пора
Нет не время еще не тужить
О стране о родной,
О несчастной Руси.

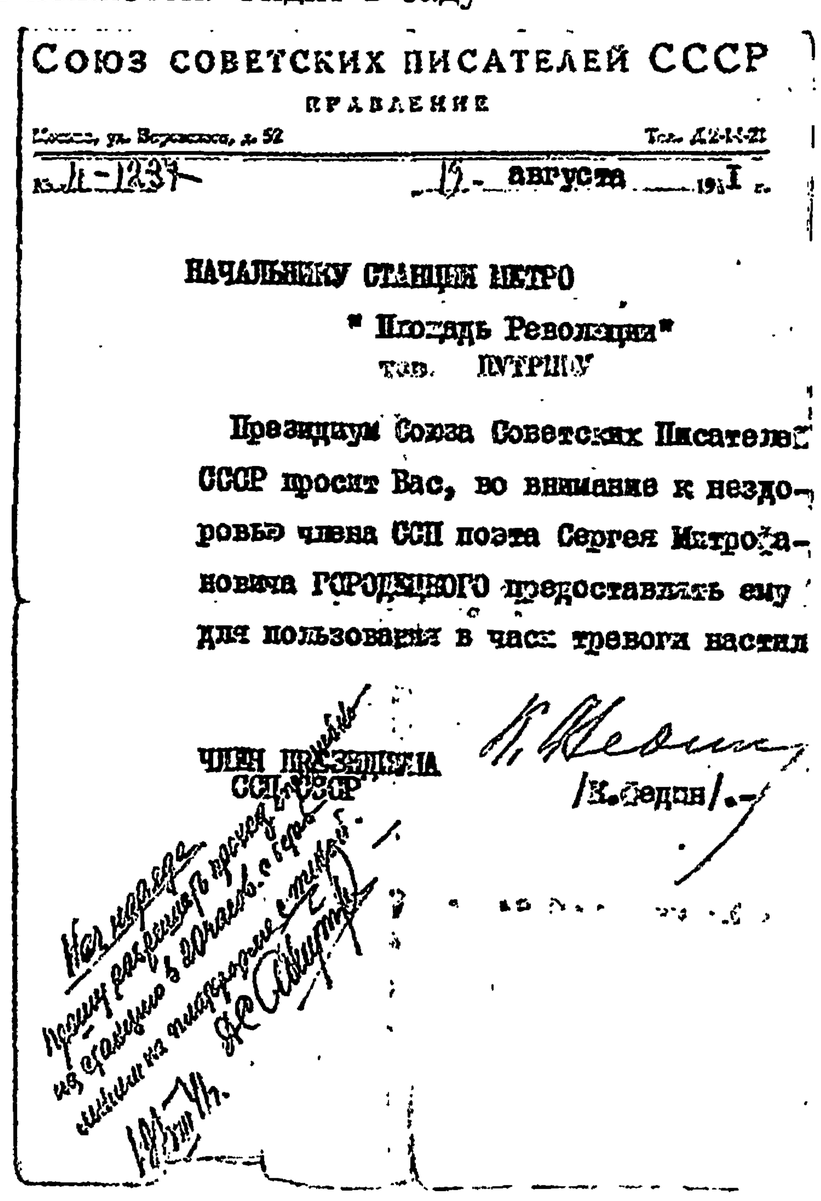
13 января. Был у Асафьева, Бродского, Маршака. Живут как герцоги. Выехал в Москву.
18 января. Прожил 51 год. Из них — 35 беспрерывной работы. Главное, чего не хватало, видно, и не хватит: природы и власти над твердым материалом: камнем, мрамором, ну, хоть красками. Последним овладеть, м.б., еще успею.
19 января. С Нимфой смотрел фильм о Кирове. Нельзя примириться, нельзя привыкнуть к мысли, что убит. Огромный человек, сколько радости и ума в нем, таланта, энергии, сколько в нем будущего.
20 января. Был у Луговского. Лермонтовщина в майке — бурки, сабли, ружья, Байрон, Шиллер, Карамзин. Фрак или нутро? Умен, куртуазен, силен. Между болтовней решили свести книгу к «Яри» (без Диониса — бедный Вячеслав!). Озорник, но неплохое решение. Если Луппол не подведет с большим сборником, все в порядке — со стихами.
21 января. Стихи Луговскому (Ярь). У Бека. Талантлив, со вкусом, не очень умен. (Увы, это искусству не вредит!) Игрушечное хозяйство.
29 января. Умер Ипполитов-Иванов. Все собирался написать со мной «Праздники»!

1937 год

9 января. Сделал квартет и корректуру. На секции поэтов слушал Михалкова и Панченко. Выступал. (Против «гюгизма», т.е. излишнего лирического тумана вокруг эпического стержня.)
10 января. Смотрел Бакшеева. Антилевитан, и это сейчас хорошо. Все-таки он фотографичен (Б.). Нет замысла и свободы.
15 января. Был Лева Бруни. Окреп, утвердился, возмужал. Говорили о грунтовке и колоритах. Его идеал: смотреть извне, из другой среды. Проверить!
20 января. Приехал Колас, ночевал у меня. Потолковали о пьесах, читали его «Полтаву» — хорошо! О грибах. Выходил с ним: отравился метропольским обедом.
30 января. Грандиозная демонстрация. Как бы это взять в театр? Рефлексы на звездах Кремля, Никольская, как опаленная, красные и белые знамена и плакаты, черная могучесть толпы на белом снегу, уплотненное небо сумерек, прорезанное прожекторами голубовато-лиловыми с лунами фонарей, пляски, игры, костры, толкучка — народная феерия. Как это взять в театр и живопись?
19 февраля. Утром узнал с ужасом: умер Серго Орджоникидзе, воплощенная победа революции. Баку, 20: он и Киров, брошюра об XI Армии, фото — в белом шлеме — парад. Обаяние ума и доброты, лучистая энергия, товарищность. Улица в потоках людей. Больше 2-х часов ходил с Яновским — не дошли! Допуск прекратили. А вечером — уже не мог пойти. Стихи о нем, до ночи[6].
23-24 мая. «Иван Сусанин». Либретто[7].
6 июня. Был Федоровский[8]. Планировали декорации Сусанина.
13 июня. <...> Вплотную за Сусанина. Сегодня 44-я годовщина смерти отца. Всё, как вчера. В Сокольниках написал стихи.
24 октября. С Харджиевым[9] о Хлебникове и моих лекциях <190>9-10 гг. Начинают понимать, что я сделал в русской поэзии <...>
27 октября. Самосуд[10] мельком сказал, что Керженцев[11] просит еще «поднять» текст Сусанина. А Глинка что скажет?
17 ноября. I акт с Самосудом и Мордвиновым. То же почти с теми же и Булгаковым[12]: шлифовка текста. Беглая читка II акта.
23 ноября. Сделал заново сцену у монастыря. Днем читка ее. (Булгаков, Мордвинов, Иванов, Бриннер, Федоровский и новый помреж.)
1 декабря Годовщина Кирова. Надо написать [о] Баку. Записать, что помню <...> Разыскать у себя брошюру об XI армии. Неутомимый склад Кирова напрягаться и настраиваться побеждать в труднейших положениях.
21-25 декабря. «Сусанин». <...> с Булгаковым читали все целиком, кроме II акта. Вечером (25) с ним ворочали сюжет: как именно Сусанин спасает Москву. История трещала, но сюжетно укрепляется. Завтра буду проверять, что надумали.

1941 год

12 марта. В «Известиях» и «Правде» рецензия о моем переводе Руставели без упоминания меня[13]
<...>
22 июня. Ленинград. Баратов[14] сообщил, что война. Написал стихи «В ответ врагу».
6 июля. Пора начать записывать. Пришел Колас. Очарование мужества и нежности. Сидит в саду своем в яме. Дом трясется. Жена в погребе. Младший сын трусит. Машина не заводится. Пришел парень: «Увезу, но дайте вывезти семью». Поехали. Забор горит. Якуб вспомнил, что «вепричек» (боровок) заперт. Вернулся, выпустил его, сказал: — Иди, спасайся сам! — Поехали. На 5-м километре остановились в лесу. Машина поехала за семьей шофера. Столкнулась, сломалась. Колас с женой и двумя сыновьями (третий на фронте) ночевал в лесу. Рыл землю, чтоб согреться. Потом дошел до полустанка. Доехал до Москвы. Сел на Клязьме. Загорел, головокружение и сердце вылечились. Бодр и смел. Узнал, что дом сгорел и все в нем, и наша переписка! Неизданного там не было. Замечательная поэма цела. Позавтракали и выпили за новоселье на том же месте в новом доме с новым боровком.


СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
ПРАВЛЕНИЕ
Москва, ул. Воровского, д. 52 Тел. Д 2-1-21
№ Д-1237 19 августа 1941 г.

НАЧАЛЬНИКУ СТАНЦИИ МЕТРО
"Площадь Революции"
тов. ПУТРИНУ

Президиум Союза Советских Писателей СССР просит Вас, во внимание к нездоровью члена ССП поэта Сергея Митрофановича ГОРОДЕЦКОГО предоставлять ему для пользования в часы тревоги настил

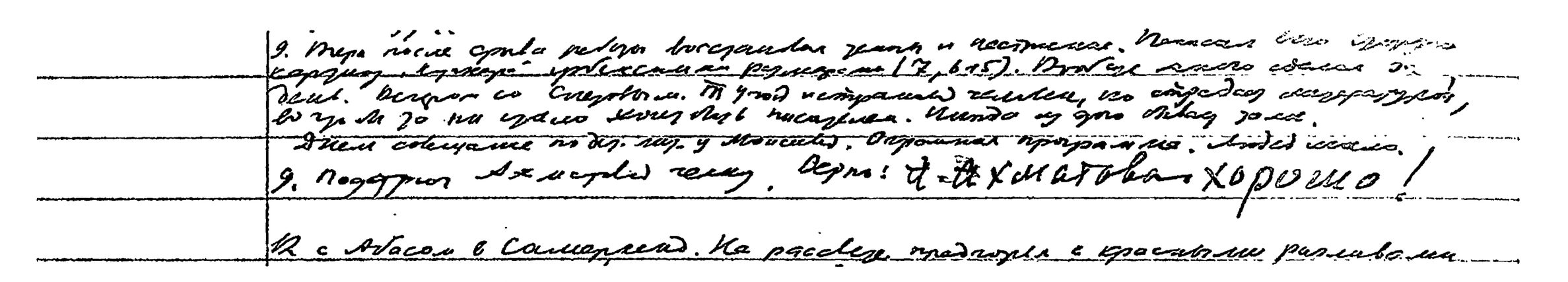
ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА ССП СССР
/К. Федин/

Письмо К. Федина начальнику станции метро «Площадь Революции». Москва. 19.VIII.1941

9 октября. Орел, мой Орел![15] Смоленская церковь, «дворянские гнезда», зеленоватое барокко, где мать с отцом венчались и где я зажег свечи Божиньке в каком-то году, ботанический сад, Гришка Отрепьев. Какие пустяки все, что было у нас в истории, [в сравнение] с этим днем!
12 октября. Чагин у нас. Все читал: «Оратор римский говорил»[16].
13 октября. В 9 утра приказ, к 12 быть готовым эвакуироваться. Ночью в темноте в Союз. Панический Фадеев[17]. На обратном пути в кромешной тьме Нимфа ушибла глаз, наткнувшись на дерево. Вся ночь в сборах. На заре на тележке вещи на вокзал.
14 октября. С 6 на вокзале. Отъезд в 11. Закупленные Союзом продукты на дорогу «не успели» доставить. В сутолоке отъезд.
24 октября. Приезд в Ташкент ночью, на заре переезд в город.

1942 год. Ташкент

1 января. У Коласа. Читали стихи.
9 января. Ахматова читала стихи[18].
14 января. Уезжает в Москву Колас. А с нами еще неизвестно.



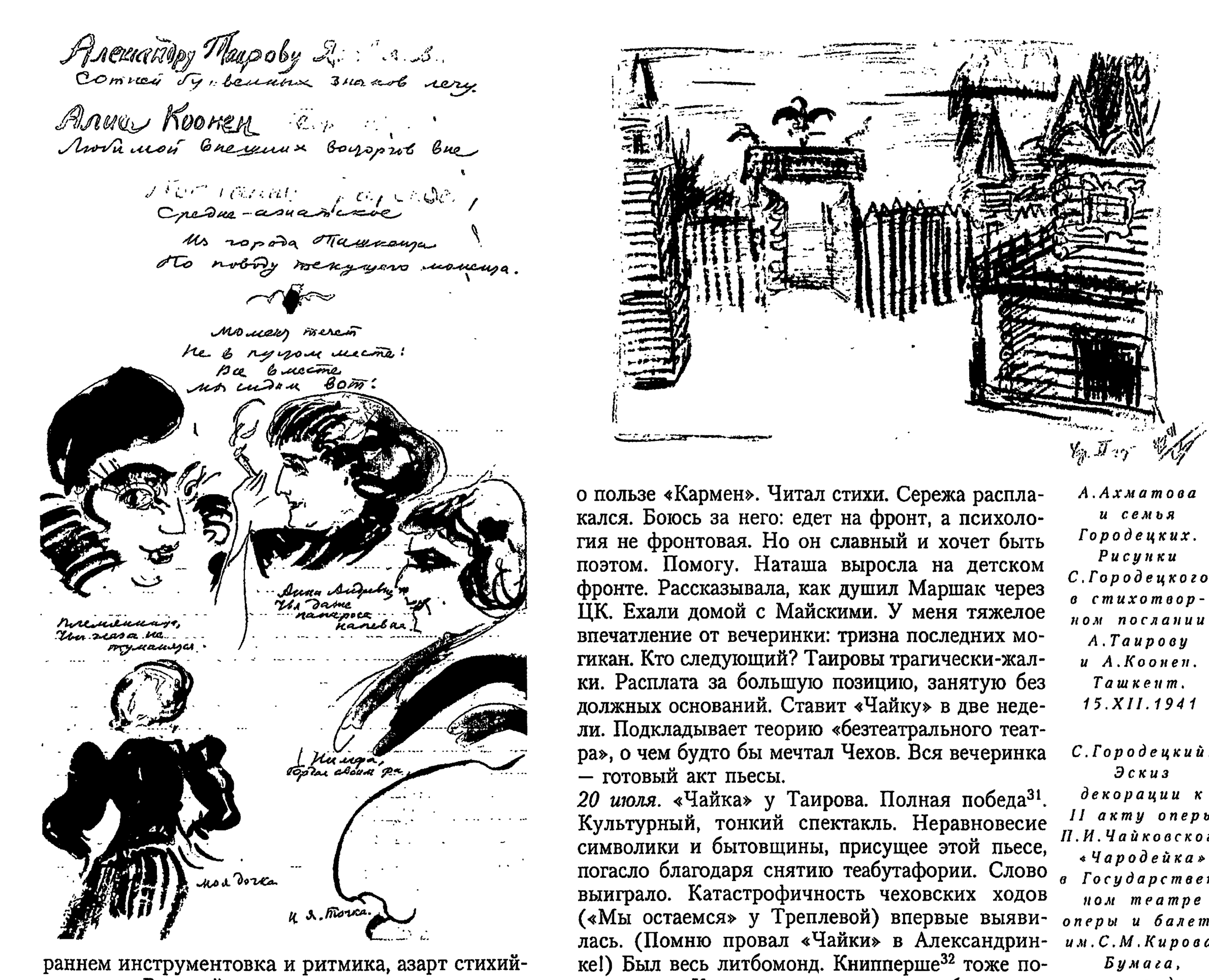
Запись А.Ахматовой в дневнике С.Городецкого. Ташкент. 1942

15 января. Утро: у Соколова про книгу Коласа. С Арбатовым о своей. Решили редактором Луговского[19]. Днем: в консерватории утверждение плана либретто — прошло хорошо.
Вечером в госпитале с Ахматовой, Шильдкретом и Кашкиным. А.А. в первый раз. «Черный перстень» и еще кое-что дошло. Я и она читали по два раза. Аудитория была тугая, но раскачалась[20].
17 января. Расписал дверь[21].
18 января. Я родился. Т.А. подарила подстаканник, Ахматова — 2 яблока, Галицкий — экспромт, Колас — $^1/_2$ литра. Вечером хорошо посидели. Земной шар преподнес 5-бальное землетрясение. Самый чувствительный мой друг.
15 марта. Пушкинский день. Дождь, но молодежь собралась. Хорошо сказал Благой[22]. Тянул Цявловский[23]. После антракта начал я. Прочел: Пророка, Брожу ли... Зимний вечер, Вновь я посетил... и свое: Разговор с Ариной Родионовной. На сцене шел дождь, сквозило.
1 мая. С хорошим успехом читал в госпитале (командный состав).
2 мая. Вчера — день моих побед: 1) В «Правде Востока» перевод Шедхзадэ, 2) Во «Фрунзе» мои стихи без вредительской правки Луговского, 3) блестящее выступление в госпитале Семашко, 4) хорошая речь на банкете с черепахами у архитекторов. Спланировали с дирекцией тезисы по архитектуре восстановительного периода. 5 моих лекций — «Время и пространство в архитектуре».
9 мая. Подстриг Ахматовой челку. Верно: *А.Ахматова. Хорошо!* (Запись рукой Ахматовой. — *В.Е.*)[24].
31 мая. Вечером Фед<оров>-Дав<ыдов>[25] и Ахматова. Профессии Фед<орова>-Дав<ыдова>: 1) лесопильное дело, 2) искусствознание, 3) ткань и костюм, 4) газета, 5) что-то в кино. Философии обучался в Казани в 20 г. за мешок муки у проф. (?) (ученика Вл.Соловьева), не имевшего кафедры. Читал гносеологию. Прочел Ахматовой и Антоновской «Шофер Ладо» и «Красный Питер» — лучшая моя поэма, до сих пор непонятая. Ахматова написала прекрасные 8 строк о статуе, закопанной в Летнем саду[26].
30 июня. Умер Янка Купала[27] (Левин слышал радио). Огромляющая весть <...> не верится. Вижу его таким, каким он жил у нас после разгрома Минска.

С.Городецкий. «Наш дом в эвакуации. Ташкент». Бумага, акварель. 2.VI.1942

1944 год. Сталинабад[28]

20 января. Наступление на Ленинградском фронте: очистили побережье, Ораниенбаум, Пулково. Наконец-то мой город-мученик вздохнул свободней! Ночью — Новгород! София-то цела ли?
28 января. Телеграмма от Пазовского, Баратова и Наи: ставить «Чародейку» зовут срочно в Москву[29]. Все опять спуталось.
6 июня. Москва. Тайна смерти Янки Купалы. Сейчас была Владислава. Ее рассказ сходится с тем, что писал Лыньков Коласу в Ташкент (основной документ, с поправками на психику и глупость Лынькова). Различия: нет того, что Янку вызвали из номера Лынькова. Нет того, что через 4 минуты позвонили снизу: «Уберите вашего Янку Купалу». Рассказ о накрытом в номере Янки столе подтверждается деталями: для Елисеева и Магдалины? Магдалина была у него в этот день. Ждал их к ужину. Владислава передает версию, что Янку видели после выхода от Лынькова с женщиной. По Владиславе, был болен, левая рука отнялась (перчатка с правой!). Она колеблется между двумя версиями: моей (сбросили) и: сам упал, почувствовав себя плохо. Когда подняли, пульс бился. Туфля на седьмом этаже. Лыньков в 10-м. Жил в 4-м. Драма произошла на 7-м, п.ч., летя в пролет, нельзя было сдернуть туфлю. На 7-м же ключ от своего номера. Борьба или уронил сам, падая? Я думаю: еще один вариант гибели: Есенина, Горького, Маяковского. Передал ей IV и VI тома, избранное, фото и 5 писем, 1 телеграмму, три моих ответа — все для музея.
7 июня. Вечер «ранних стихов» в клубе. Читали: я, Пастернак, Сельвинский, Тихонов, Антокольский. Потом Эренбург. Я прочел: 1.Славят Ярилу, 2.Рождество Ярилы, 3.Встреча, 4.Отдание молодости, 5.Печальник, 6.Пичуга... Во II отделении: «Смерть обезьянки», «Достоевский». Был хороший аплодисмент по I отделению и неважный по II: публика устала и стихи трудные. Мало до кого дошло. Хорошие стихи у Тихонова (16 год), особенно «Смерть друга». У Пастернака дробный маленький мир в раннем. В новой поэме семейная склока, комнатный скандал. У Сельвинского в



А. Ахматова и семья Городецких. Рисунки С. Городецкого в стихотворном послании А. Таирову и А. Коонен. Ташкент. 15.XII.1941

С. Городецкий. Эскиз декорации к II акту оперы П. И. Чайковского «Чародейка» в Государственном театре оперы и балета им. С. М. Кирова. Бумага, цв. карандаши. Ленинград. 8.IV.1941

раннем инструментовка и ритмика, азарт стихийничества. В новой поэме есть сильные места, но вся не органична. У Антокольского в раннем арлекинские штучки. У Эренбурга экспрессивистские невыраженности. У всех мала тема. Потом у Млечина в комнате поужинали. Эренбург говорил о фронте. Не понравился мне он: чужой совсем. Тихонов хорошо рассказал о том, как ездил «в гости» к финнам в 40-м году и как [ему] был представлен музейный старичок-русофил. Читать мне было трудно после ужасной ночи <...>

13 июля. Вчера у Кончаловского. Были 1000 лет за столом. Пары: Кончаловские, мы, Таировы, Михалковы, Майские[30]. Берегли зубровку Москвину, но не пришел. И Софроницкий не пришел. Я был засажен в диван между Алисой и Наташей. По этому поводу сказал:

Я сижу меж двух красавиц.
Слева — Скрибова мечта,
Звездоглазая Алис.
Справа — та,
Чьи глазища расплясались,
А ресницы задрались.
Что мне делать? Помогите!
Или сердце разорвите,
Или водки дайте мне.

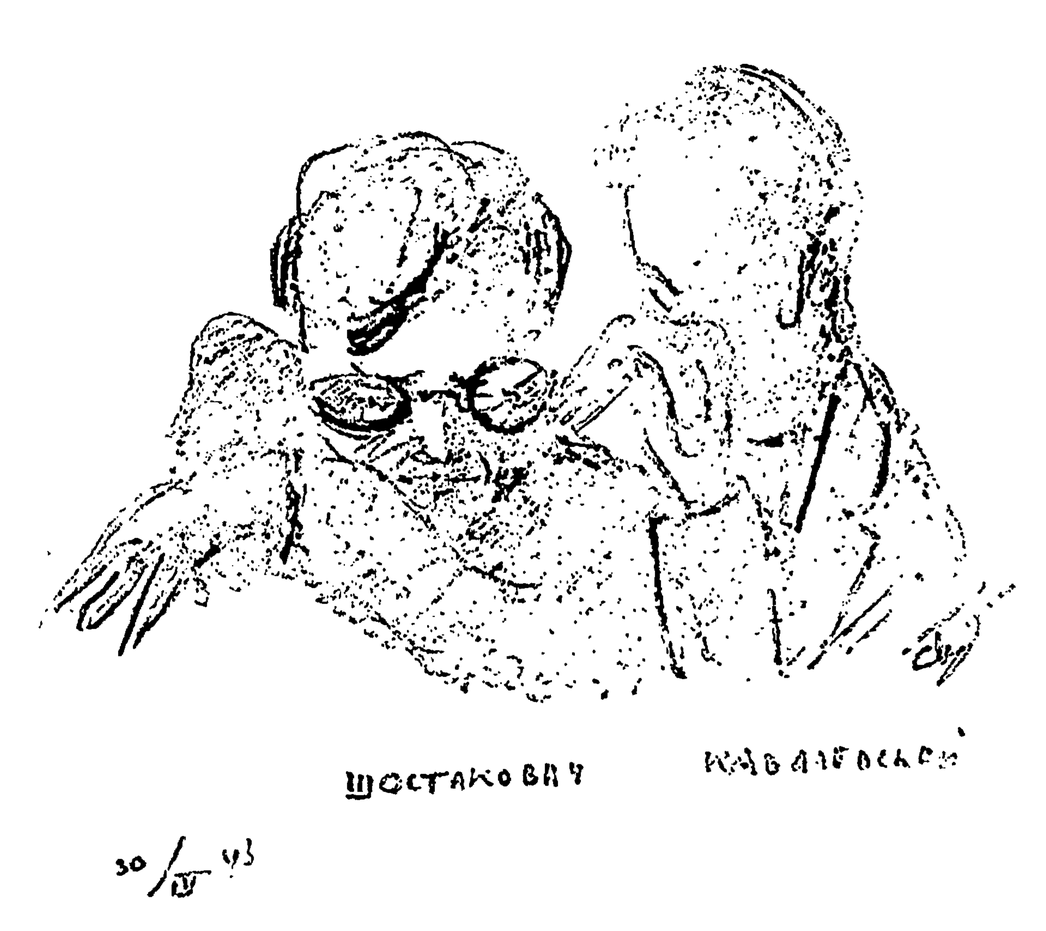
За столом перекидывался с Сережей экспромтами. Потом он мне сказал: — Я поэт и ты поэт. Ты современник Блока. Приходи, когда будет плохо. Я тоже поэт.

Прибавил: — Запиши! Исполняю его желание. На балконе под салюты разговор о любви и поэзии. Говорил ему: ваше поколение не умеет ни того, ни другого. Тут же Таиров накачивал Майского о пользе «Кармен». Читал стихи. Сережа расплакался. Боюсь за него: едет на фронт, а психология не фронтовая. Но он славный и хочет быть поэтом. Помогу. Наташа выросла на детском фронте. Рассказывала, как душил Маршак через ЦК. Ехали домой с Майскими. У меня тяжелое впечатление от вечеринки: тризна последних могикан. Кто следующий? Таировы трагически-жалки. Расплата за большую позицию, занятую без должных оснований. Ставит «Чайку» в две недели. Подкладывает теорию «безтеатрального театра», о чем будто бы мечтал Чехов. Вся вечеринка — готовый акт пьесы.

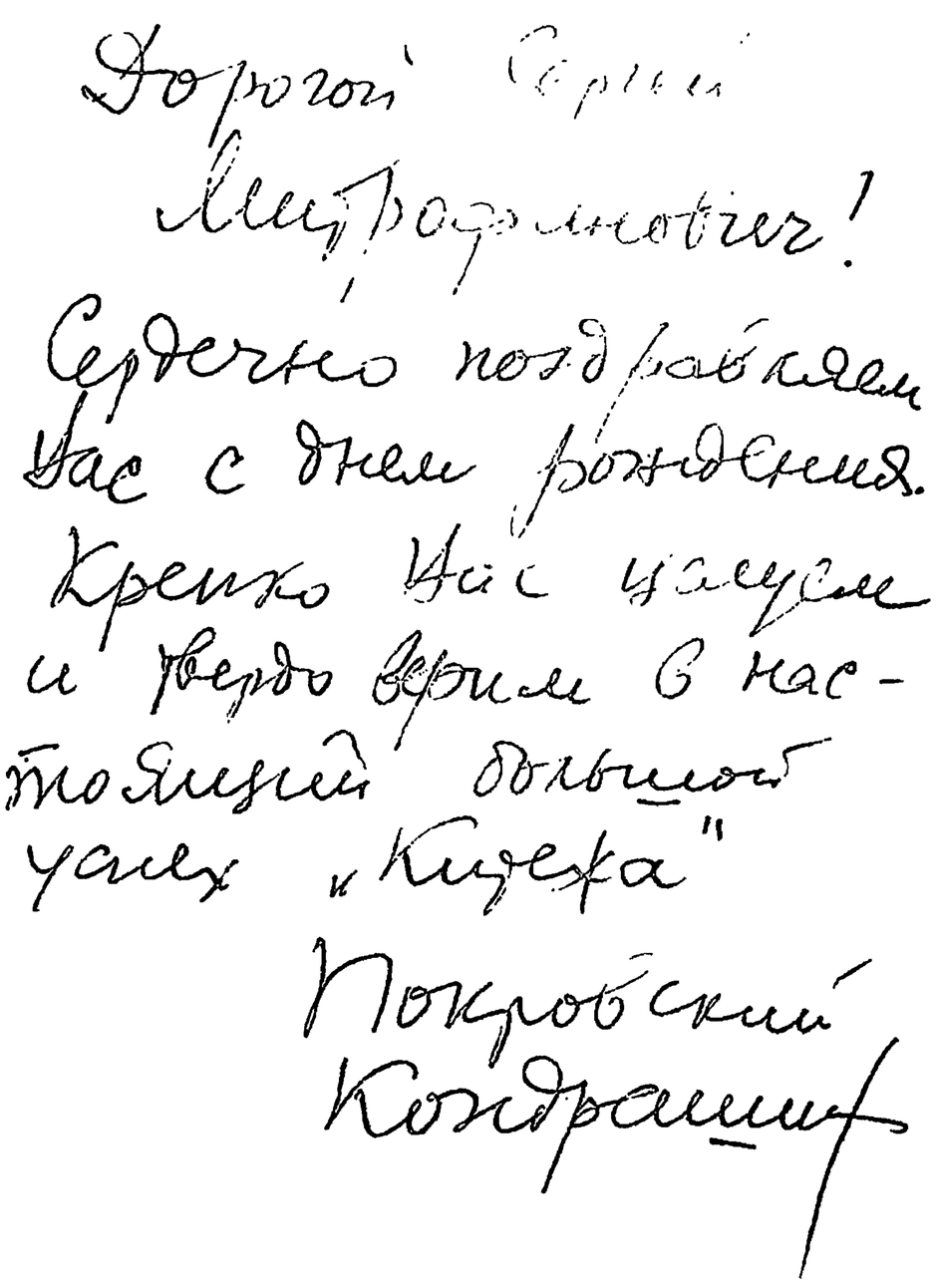
20 июля. «Чайка» у Таирова. Полная победа[31]. Культурный, тонкий спектакль. Неравновесие символики и бытовщины, присущее этой пьесе, погасло благодаря снятию теабутафории. Слово выиграло. Катастрофичность чеховских ходов («Мы остаемся» у Треплевой) впервые выявилась. (Помню провал «Чайки» в Александринке!) Был весь литбомонд. Книппершe[32] тоже понравилось. Как всегда, в антракте собрались в кабинете у Таирова: Книппер, Массалитинова, Гроссман, Волков, Никитин, Майские, Эфрос, Эренбург, Долгополов. Васинька стал похож на Вячеслава — отпустил косы. Книппер и Массалитинова жалуются, что чуть не умерли. Волков не посмел подойти к Книппер. У меня начался интересный разговор с ней — воспоминательный. Но подошел Эфрос с придуманным «мо»: старые постановки Чехова — временные, теперь — вечные, или что-то в этом роде парикмахерское — и сорвал наметившийся разговор <...> от всей компании стариков веяло тем же, чем и у Кончаловских: предстоящим уходом из жизни.

1947 год

7 января. Никуда не пошел. Читаю Блока (в изд. Орлова) <...> Вечер с Блоком — «Роза и Крест». Это опять оказывается арлекиниада: Алексан — Арлекин, Изора — Коломбина, Пьеро раздвоен на двух дураков: Гаэтана и Бертрана[33]. Когда и почему арлекиниада так ушибла А.А., что стала ведущим сюжетным стержнем от «Стихов о Прекрасной Даме» до «Двенадцати»? (тоже ведь арлекиниада, я, кажется, писал об этом). Впервые читал я три прозаических отрывка — отличны. Блок ворвался сейчас в мою жизнь, как в юности, и все либретто полетели к черту. В самом деле, какая немощь «Аэра» по сравнению хотя бы с совершенно беспомощной «Розой и Крестом». Блок не додумал ввести в действие тему родины? (напр.: она любит Бертрана, но он идет не на разведку, а воевать. Когда возвращается раненый — Изора уже с Алексаном. Чацкий!)



Д.Шостакович и Д.Кобалевский. Рисунок С.Городецкого. Москва. 30.IV.1946


Дорогой Сергей Митрофанович!
Сердечно поздравляем Вас с днем рождения. Крепко Вас целуем и твердо верим в настоящий большой успех „Кидеха"
Покровский
Кондрашин

Записка режиссера Б.Покровского и дирижера К.Кондрашина С.Городецкому. 1952

Блок — Бертран. Гаэтан уж не Белый ли? <...>

8 января <...> Вечером Басов. Рассказывал о встречах с Блоком в 19-20 гг. в Царском Селе у Разумника. Басов возражал против «азиатской» рожи и стихийности Октября в «Двенадцати». Блок (уже осунувшийся — говорит Басов) соглашался, что у него «не все так».

14 февраля. Вечером у Осафа. В унынии он и дезсеперации. Говорили о провале «Бориса». Он видит причину в стремлении Баратова все делать навыворот, как не было. Я: в натурализме, в чуме мхатовства, механически перенесенного на оперную сцену. Не было еще 12-ти, а заснеженная Тверская — пустыня. Встретились три боярина в соболиных шапках. Один из них — Леонов. К нему идет. Державинско-некрасовская традиция? Год 47-й — год классификации писателей, т.е. введение во классику <...> Баланчивадзе заболел. Пришел домой, сварил ему кофе, сало с чесноком и перцем, опять пошел, лечил. Тихая, снежная ночь. Бессмертная сказка Кремля. Зажег огни Нимфе. Как поэтична жизнь, когда копнешь ее поглубже! Перевернул листок календаря: 90 лет со дня смерти Глинки. И о нем говорили: о том, что Бородин еще непонятый его преемник <...> Ночь, редкий миг тишины, приближения к вершинам сознания; определяется конечная цель моей жизни: сначала поэма, потом роман (роман эпохи) о Нимфе. «Онегин» и «Война и мир». И в том, и в другом еще что-то. Новое. Нимфа.

16 февраля. Нашел письма Нимфы к Нае трагического 29 года, когда меня не пустили к Нае. «Много пройдет времени, пока твоя скорбь станет светлой пенальюю». А вслед — предчувствие смерти в нашей семье. Думала, что уйду я. Чудесные письма.

9 мая. Как соединить в поэзии точность мысли с имажинацией слова? Эта проблема поставлена в «Яри». Ее подхватили по двум руслам Хлебников и Есенин, мои сыны. Ученик Хлебникова Маяковский решил ее в гиперболизации образа. Есенин хотел остаться на земле, но не имел общественно-поэтической зарядки — прозевал, мог и нет («26»). Потерпел крах. Современная поэзия по неграмотности и не подозревает о существовании этой проблемы. Мои азиатские «Рубаи» — последняя по времени попытка решить ее.

27 октября. <...> Наконец-то сообразил. Акмеизм — это вспышка предсмертного энтузиазма русской буржуазии перед катастрофой 14—17 гг. Но поскольку с ней шла и «petite», которая частично поработала через нас и на Октябрь, в акмеизме было и нечто живое. Оно — через меня — дало Тихонова, Инбер, Сельвинского, Антокольского, Луговского, Антоновскую (Моск. Цех поэтов), весь ленинградский сонм и еще потомков. А то, что было не от «petite», то отгнило за границей <...>

14 ноября. <...> Вот сегодняшняя пьеса. Кто напишет? Чеховским прекрасным, но праздно торжествующим сейчас театром этого не поднимешь. Горьковский театр — миф. Есть Островский — (мелко плавает, ни одной пьесы на гранях Достоевского, который из своего дня знал наше сегодня и его борьбу. Угробили его за «Бесов», величайшая ошибка — предлагал в 41-м Чагину исправить, издав его антинемецко-мещанские статьи <...>) Есть Грибоедов. Не нужно ли нам сейчас новое «Горе от ума» мирового звучания? Но для этого нужно, чтобы все молодые поэты были грамотными. А они после разгона моего Цеха поэтов («Цех» — имя, данное Нимфой), где последними были Антокольский, Сельвинский, иногда Эренбург, Луговской (почему-то и где-то замолкший), Инбер, забывший себя поэт Борис Черный и его (к моему удивлению в ее лауреатстве) мать Антоновская, не умеющая грамотно писать по-русски (как и Ахматова), — стали безграмотными — все поколение Васильевых, Долматовских, Сурковых. Я разумею акмеистическую грамотность, которая на вершинах (акмэ) мысли требовала четкого образа в прекрасной форме (почему еще сейчас переписывают Гумилева). Фадеев поддал, Жданов спутал (забыл, что нет и не может быть литературного движения целиком цельного, что в акмеизме были две струи (моя и гумилевская) полифонически. Мои — Нарбут, Зенкевич, Кузьмина-Караваева. Все это надо написать <...>

1952 год

7 июня. «Китеж»[34]. Вечером в ГАБТе по «Китежу» проработали план III и IV акт. (Анисимов, Кондрашин, Покровский). Идет вяло, они уверены, что их план лучший, а я хочу больше спасти от Римского. Их план не лезет[35].

[1] *Ф.Ф.Комиссаржевский* (1882–1954) – режиссер, педагог, теоретик театра, брат В.Ф.Комиссаржевской. Книгу «Театр символистов» С.Городецкий не написал.
[2] *К.С.Петров-Водкин* (1878–1939) — художник.
[3] Сборник стихотворений С.Городецкого за 1903–1933 гг. опубликован не был.
[4] А.П.Чехов умер 2 (15) июля 1904 г. в Баденвейлере.
[5] 11 октября 1923 г. поэт Александр Ширяевец писал С.Городецкому: «Дорогой Сергей Митрофанович, будь добр посмотреть Александра Ник. Волкова (Азия-Туркестан) — очень талантливый человек. Привет. А.Ширяевец». Речь идет об *А.Н.Волкове* (1886–1957), живописце, жившем в одно время с Ширяевцем в Ташкенте.
[6] Ср. с записью в дневнике Е.С.Булгаковой от 18 февраля 1937 г.: «<...> Известие от Александрова по телефону, что Орджоникидзе умер от разрыва сердца. Это всех потрясло».
19 февраля «Днем с Сергеем и Мишей пошли в город, думали попасть в Колонный зал, но это оказалось неисполнимым...» (Цит. по: *Чудакова М.* Жизнеописание М.Булгакова. М., 1988. С.435). Как известно, С.Орджоникидзе застрелился.
[7] Новый текст к опере Глинки «Жизнь за царя» (в редакции С.Городецкого — «Иван Сусанин»), которую Большой театр намеревался поставить к 20-летию Октября, поэт считал одним из основных дел жизни. Слабый в литературном отношении, изобилующий архаизмами и грамматическими нелепостями текст барона Розена Городецкий переписал со свойственным ему профессионализмом и талантом. Однако при этом в развитие сюжета, которого придерживался Глинка, создавая музыку оперы, поэт внес смысловые искажения, что понимал и сам (см. записи от *27 октября* и *21–25 декабря* 1937 г.).
[8] *Ф.Ф.Федоровский* (1883–1955) — театральный художник, автор декораций и костюмов к опере «Иван Сусанин» в Большом театре.
[9] *Н.Н.Харджиев* (1903–1996) — литературовед, искусствовед, коллекционер, исследователь русского авангарда. Умер в Голландии, куда в конце жизни с помощью западных галеристов и славистов вывез архив и коллекцию работ К.Малевича.
[10] *С.А.Самосуд* (1884–1964) — дирижер, в 1936–1943 гг. художественный руководитель Большого театра.
[11] *Керженцев П.М.* (Лебедев; 1881–1940) — в 1936–1938 гг. председатель Комитета по делам искусств.
[12] М.А.Булгаков поступил на службу в Большой театр либреттистом 10 октября 1936 г. В 1936–1937 гг. он пишет либретто оперы Б.Асафьева «Минин и Пожарский», но в связи с решением театра к XX юбилею Октября ставить «Ивана Сусанина» работа над «Мининым и Пожарским» была прекращена. По долгу службы он помогал С.Городецкому в редактировании нового текста «Ивана Сусанина» (см. запись в дневнике Городецкого *21–25 декабря* 1937 г.). Позже Булгаков правил либретто Городецкого по поэме Э.Багрицкого «Дума про Опанаса».
[13] В конце марта 1940 г. директор издательства «Художественная литература» поручил С.Городецкому провести поэтическую редакторскую правку нового перевода поэмы Ш.Руставели «Витязь в тигровой шкуре», выполненного Ш.И.Нацубидзе. Дело было чрезвычайно сложным, ответственным и даже опасным, т.к. новым переводом «Витязя» интересовались Берия и Сталин. Городецкий писал ответственному секретарю Союза советских писателей А.А.Фадееву: «Ознакомившись с рукописью Ш.Нацубидзе, я увидел, что она представляет собой стихотворную массу без синтаксической связи с рифмами, зачастую нескоординированными ни друг с другом, ни с контекстом строки. В Гослитиздате имелись резко отрицательные рецензии на нее. Пастернак и Маршак, как мне сообщил недавно т.Чагин, отказались от работы над ней» (архив С.Городецкого). Русским текстом Нацубидзе при работе Городецкому пришлось во многом пользоваться как подстрочником, сделав по сути новый перевод. Особый в данном случае характер редакционной поэтической работы, спасшей перевод Ш.Нацубидзе, и дал основание С.Городецкому требовать признания его вклада в новый русский текст «Витязя в тигровой шкуре». Некоторые материалы об этом сохранились в архиве, в том числе письма С.Городецкого, П.Чагина, Ш.Нацубидзе и Н.Тихонова, на последнем этапе принявшего участие в работе.
[14] *Л.В.Баратов* (1895–1964) — оперный режиссер, с 1943 г. режиссер Большого театра.
[15] В этот день немцами был взят г.Орел.
[16] Стихотворение Ф.И.Тютчева.
[17] *А.А.Фадеев* (1901–1956) — писатель, генеральный секретарь Союза писателей СССР.
[18] В Ташкенте, где А.А.Ахматова была в эвакуации, она достаточно часто встречалась с С.Городецким и его семьей. См. об этом, например, в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской, приведшей, в частности, такие слова Ахматовой: «Как меня ненавидит все семейство, и любит, и завидует мне. Ная (Р.С.Городецкая. — *В.Е.*) оскорблена за отца... Нимфа дня три назад зашла ко мне и сообщила, что перечла «Из шести книг», что это однообразно и очень бедно по языку» (Записки... 1938–1941. Приложение «Из ташкентских тетрадей. 1942». М., 1997. С.432).
[19] Поэт *В.А.Луговской* (1901–1957), находясь в эвакуации в Ташкенте, редактировал сборник стихов С.Городецкого «Думы».
[20] Л.К.Чуковская, более чем нерасположенная к Городецкому, записала в «Ташкентских тетрадях»: «Спекулянт Городецкий хочет, чтобы она (Ахматова. — *В.Е.*) выступила с ним на вечере. Она ни за что не хочет, не знает, как отвязаться. Из-за этого не будет выступать в ближайшее воскресенье...» (Там же. С.348). А 17.I.1942 г. она же записывает: «Вчера я прибрела к ней вечером <...> NN (Ахматова. — *В.Е.*) лежала на кровати, с сердитым и огорченным лицом. Оказывается: вчера вечером у NN сидели А.Эфрос, Городецкая и Штоки. Эфрос посмеялся над Шильдкретом и Слетовым, которые выступают вместе с А.А. (в госпитале) и ей, дескать, не пара. Так как Городецкий тоже выступает с NN — чего Эфрос не знал, — то Нимфа пришла в ярость, обозвала его подлецом и негодяем и умчалась. Очевидно, она сразу помчалась к Шильдкрету, так как сегодня утром Шильдкрет, встретив Эфроса в Союзе, ударил его по физиономии» (Там же. С. 377-378).
А.М.Эфрос (1888–1954) — искусствовед, переводчик; *К.Г.Шильдкрет* (1886–1965) — писатель, автор исторических романов; *И.А.Кашкин* (1899–1963) — переводчик и критик.
[21] С.Городецкий — хороший художник — часто расписывал комнаты, в которых жил. Не стало исключением и ташкентское жилище поэта. В его ташкентской записной книжке наряду с телефонами и адресами в Ташкенте, например, К.Чуковского (ул. Горького, 6, кв.89 т.33-658), С.Михоэлса (т.32-637), Я.Коласа (т.35-130) и др., пейзажных зарисовок, портретов, дружеских эпиграмм на С.Михоэлса и Н.Ашукина, черновиков стихов и записей для памяти находятся и три эскиза стенных росписей. Расписал тогда же Городецкий и комнату Ахматовой. Л.К.Чуковская записала: «Сегодня, забежав к ней днем, я увидела на стенах — облупленных и грязных — зеленую роспись. Оказалось, расписал Городецкий» (Там же. С.376). Но и это Л.К.Чуковской пришлось не по душе: «...Если бы выбелить, замазать грязную живопись Городецкого, было бы совсем хорошо» (Там же. С.425).
[22] *Д.Д.Благой* (1893–1984) — литературовед-пушкинист.
[23] *М.А.Цявловский* (1883–1947) — литературовед-пушкинист.
[24] Отношение Анны Ахматовой к С.Городецкому в эвакуации в Ташкенте кажется чрезвычайно странным. Много позже Ахматова сделала страшную запись о Городецком, которая никак не вяжется ни с подаренными яблоками, ни с подстриженной челкой, ни с совместными выступлениями и хождениями в гости. «Потоки клеветы, которую извергало это чудовище на обоих погибших товарищей (Гумилева и Мандельштама), не имеют себе равных (Ташкент, эвакуация). Покойный Макридин, человек серьезный и порядочный, нахлебавшись этого пойла, с ужасом спросил меня: "Уж не он ли их обоих погубил? — или он совсем сумасшедший"» (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. М., 1997. Т.I. С.349).
[25] А.А.Федоров-Давыдов (1900–1969) — историк русского искусства, видный художественный критик, профессор Московского университета.
[26] Стихотворение А.Ахматовой «Nox. Статуя "Ночь" в Летнем Саду».
[27] *Янка Купала* (И.Д.Луцевич; 1882–8.VI.1942) — белорусский поэт. Сохранилось большое стихотворное послание С.Городецкого Я.Купале в связи с его 50-летием.
[28] В 1943 г. Городецкие переехали из Ташкента в Сталинабад.
[29] «Чародейка» — опера П.И.Чайковского, либретто И.В.Шпажинского по его же одноименной пьесе. На советской сцене была поставлена в 1941 г. Театром оперы и балета им.Кирова в Ленинграде (новый текст С.Городецкого), редакция А.Пазовского и Л.Баратова. «Мы отказались от текста, стилизованного Шпажинским под псевдорусскую старину, заменив раздражающую архаичность его образов лексикой более простой, естественной, эмоциональной, соответствующей психологически обостренному чувству музыки <...> Совместно с С.М.Городецким была выверена каждая словесная интонация либретто» (*Пазовский А.М.* Записки дирижера. М., 1968. С.124). Во время войны в Большом театре поставлена не была. Постановка оперы «Чародейка» с текстом Городецкого состоялась там в 1958 г.
[30] Семья Кончаловских — знакомые Городецких, в будущем — соседи по усадьбе Бугры под Обнинском. *П.П.Кончаловский* (1876–1956) — художник; *О.В.Кончаловская* (1878–1958) — жена П.П.Кончаловского, дочь В.И.Сурикова; *С.В.Михалков* (1913) — поэт, драматург; *Н.П.Кончаловская* (1903–1988) — писательница, жена С.В.Михалкова; *И.М.Майский* (1884–1975) — дипломат, историк, академик. В 1932–1943 гг. посол СССР в Великобритании. В 1934–1936 гг. вел переговоры и переписку с Таировым по поводу предполагаемых гастролей Камерного театра в Великобритании. Гастроли не состоялись.
[31] Спектакль-концерт «Чайка» А.П.Чехова, показанный впервые 20 июля 1944 г.,Таиров считал этапным для Камерного театра. Критика встретила спектакль восторженно. Т.Л.Щепкина-Куперник в статье «"Чайка" в Камерном театре» писала: «Пьеса с первых слов стала меня захватывать и звучать по-новому. Ничего общего с тем первым представлением (в Художественном театре. — *В.Е.*) не было. Театр <...> ушел от подражания тому, что было неподражаемо. И дал — свое» («Литература и искусство», 1944, 14 октября).
[32] *О.Л.Книппер-Чехова* (1868–1959) — актриса.
[33] *Алексан, Изора, Гаэтан, Бертран* — герои драмы А.Блока «Роза и Крест».
[34] «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» — опера Н.А.Римского-Корсакова, либретто В.Бельского. Городецкий писал новый, сокращенный текст либретто. В Большом театре постановку оперы Римского-Корсакова тогда подготавливали режиссер Б.А.Покровский и дирижер К.П.Кондрашин. Спектакль поставлен не был.
[35] В архиве Городецкого сохранилась записка без даты: «Дорогой Сергей Митрофанович. Сердечно поздравляем Вас с днем рождения. Крепко Вас целуем и твердо верим в настоящий большой успех "Китежа". Покровский, Кондрашин».

Публикация и комментарии
Владимира Енишерлова